

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МОСКВУ!

Союз советских писателей приветствует героических советских полководцев, лучших людей нашей родины... Иван Паланин, Петра Шишова, Эрнста Кренкеля и Евгения Федорова...

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЛАВНЫЕ ОТКРЫВАТЕЛИ НЕИЗВЕСТНОГО

Привет вам, славные открыватели неизвестного, пережившие то, чего до вас не переживал ни один человек в мире... Паланин, Кренкель, Федоров, Шишов...

Вы были как бы подняты над всем миром, чтобы мир увидел, каковы люди страны Советов... Легендарный город Ленина первый из городов мира встречает вас, исполненный великой радости...

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. ЛЕНИНГРАД. (По телеграфу).

Здравствуйте, герои!

Лев КАССИЛЬ

Передо мной лежит ориентировочный план и расписание встречи паланинцев... Встреча у льдины героической четверки паланинцев с экипажами ледоколов «Таймыр» и «Мурман».

Потом — предугадывает программа встречи — «Брмак», иды впереди, как старший и наиболее сильный, веда за собой на буксире крохотного героического «Мурманка»...

Затем до героев доносится приветственная ванада, а вскоре и мы услышим гудок ледокола, уже без всякой помощи радара...

Вот имена героев новой эры, мужественной, глубокой и человеческой... Паланин, Кренкель, Федоров, Шишов...

Встреча у льдины героической четверки паланинцев с экипажами ледоколов «Таймыр» и «Мурман». Фото Я. Халип (Союзфото).

Иван НОВИКОВ

Поэт-воин XII века

К какому сроку приурочить появление «Слова о полку Игореве»? Кто был автор гениальной поэмы? Оба эти вопроса тесно связаны и между собой и с третьим вопросом: где писалось «Слово»?

Обычно при изучении «Слова» — и это вполне естественно — почти все внимание исследователя сосредоточивается на так называемых «темных местах», подлежащих тому или иному толкованию, но и вполне понятные места требуют, как мы в том при изучении «Слова» не раз убеждались, не менее пристального внимания.

Поэт дает общую картину начинающегося Игорева похода: «Кони ржут за Сулою, авенит слава в Киеве, трубы трубят в Новеграде, стоят стаи в Путивле»... Слова о полку Игореве.

Итак, поэма — даже самое начало ее — писалась в земле Половецкой. Это уже существенно. Но, разумеется, автором ее не был половчанин, и не только потому, что вряд ли была у половцев письменность...

Приведенные нами соображения — далеко не единственный довод в пользу нашего взгляда. Автор не писал свою поэму по летописи...

Так дан весь поход, так дается и бегство Игоря, точнее говоря, лишь самая подготовка и осуществление победа. Путь же Игоря на родину дан так, как он предстает воображению автора и сильно расходится с летописными подробностями.

Остановимся сначала на времени написания и прежде всего отметим, что наукою о «Слове» давно отвергнуты мнения, что поэма была просторно подделкою, сделанною кем-либо из литераторов XVIII века...

времни. Ядотени, шантаж смерти, полейные предательства, постыдные дьявольские гримасы этих мещестофелей из отлого места — все это тянуло в прошлое, в самое мрачное и ядовитое, все это и прелемами и сущностью своей влекло нас, в темное средневековье...

После удручившего кошмара, открытого нам покаяниями Бухарина, Рыкова, Ягоды и их клевет, залпом и постороно лишь кристальной и жемчужной смесью давно уже прочитанных слов и снова, снова, в сотый раз перепрыгиваем радугам кренкелевой радуги.

Четыре человека, четыре наших современника, четыре наших земляка — Иван Паланин, Эрст Кренкель, Петр Шишов, Евгений Федоров подняли еще выше уровень нашей эпохи, подняли потому, что грандиозный подвиг освоения полюса оказался им по плечу...

Их подвиг высок, как высок уровень энци. Перед мужеством четырех зимовщиков даже сама Земля сняла свою «колдовую полярную шапку»...

Поэма была внят большевиками с воодухом, с припоминанием мощных самолетов. В своей работе отважная четверка превосходно использовала все чудеса радио. Все новейшие приборы, которые нужны были для работы на полюсе...

Всем лучшим человеческим качествам наших современников, людей нашей родины вооружена эпоха четырех жителей станции «Северный полюс»...

Очевидно, что в подлинный план врагов социализма, врагов культуры вошло уничтожение всех талантливых писателей, верных слов родины. Фашистские выродки разгромлены.

Партийная организация в союзе писателей сделала далеко не достаточно для ликвидации последствий вредительства в литературных организациях.

Секретарь парткома союза писателей в украинской писательской организации. Но разве так было только на Украине? Это диверсанты брали в штыки каждого беспартийного писателя, повернувшего к советской тематике.

Соловьевым принята дата 1188 г., и нет причины ее не принять. Но автор «Слова» мог вернуться и несколько раньше, ибо Игорь, по возвращении из плена хлопотал о судьбе пленяных.

Обычно полагают, что поэма эта не могла быть написана позднее 1187 г., ибо в «злате-слове» Святослава упоминаются в качестве живых князь Ярослав Галицкий, умерший 1 октября 1187 года, и князь Владимир Глебович Переяславский, умерший 18 апреля того же года.

Точной даты завершения поэмы установить нельзя. Дата рождения «Слова» — это дата, когда оно стало существовать для читателей или, вернее, для слушателей. Игорь прибыл в плену целый год, как то яствует из самого текста «Слова»...

Еще о работе с беспартийными писателями

В статье «Партийная организация и партияная литература» В. И. Ленин писал: «Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживной, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы»...

Коммунистическая партия неустойно и неуклонно развивала и претворяла в жизнь ленинскую программу. Под непосредственным руководством Ленина и Сталина формировалась замечательный талант классики социалистического реализма М. Горького.

Горький был первым писателем, не знающим противоречия между реализмом и идеализмом и ошмыгиваниями.

Он более, чем кто-либо из наших современников, достиг органического слияния исторического содержания «с шекспировской яркостью и богатством действия», о котором мечтал Энгельс.

Максим Горький пришел как достойный преемник классической литературы. В нем есть и пушкинская мудрость и толстовская простота. Но поприще причисляет Горького к какой-нибудь литературной школе.

Горький сделал шаг вперед в художественном развитии человечества. Он — сам новый школа или, вернее, новое направление в литературе. Начался горьковский период в литературе. Дело не только в том, в какую школу по своему рождению принадлежал Горький, но и в том, что писал Горький и пишет все социалистическая литература.

Сложные дела и до сих пор подчас отвлекают коммунистов-литераторов от основного — от выполнения постановления ЦК от 23 апреля 1932 года, от большевистской работы с беспартийными. Там, где в преобладающей партийная работа, все работа поставлена неудовлетворительно.

М. Горький — друг и учитель нескольких поколений писателей, великий классик социалистического реализма. За двадцать лет социалистической революции создана новая, советская литература.

Партийная организация и партком ничего не сделали, чтобы улучшить работу этого клуба. Советом избрано организатором статьи Работы в клубе. Председателем совета избран А. Толстой. Трудно сейчас сказать, насколько все там правильно организовано.

Политика партии, советская действительность создают исключительно благоприятные условия для повседневной работы партийной организации писателей с беспартийными литераторами.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Руководящая роль коммунистов-писателей в литературе создается произведениями, подлинными народное признание.

«Чапаев» Д. Фурманова открыл новые пути для советской литературы. «Как закалялась сталь» Николая Островского приобрела значение нравственной нормы человеческого поведения.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Руководящая роль коммунистов-писателей в литературе создается произведениями, подлинными народное признание.

«Чапаев» Д. Фурманова открыл новые пути для советской литературы. «Как закалялась сталь» Николая Островского приобрела значение нравственной нормы человеческого поведения.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Руководящая роль коммунистов-писателей в литературе создается произведениями, подлинными народное признание.

«Чапаев» Д. Фурманова открыл новые пути для советской литературы. «Как закалялась сталь» Николая Островского приобрела значение нравственной нормы человеческого поведения.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Руководящая роль коммунистов-писателей в литературе создается произведениями, подлинными народное признание.

«Чапаев» Д. Фурманова открыл новые пути для советской литературы. «Как закалялась сталь» Николая Островского приобрела значение нравственной нормы человеческого поведения.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

Руководящая роль коммунистов-писателей в литературе создается произведениями, подлинными народное признание.

«Чапаев» Д. Фурманова открыл новые пути для советской литературы. «Как закалялась сталь» Николая Островского приобрела значение нравственной нормы человеческого поведения.

«Слово» нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, инвентаризации, господству большинства над меньшинством. Слово нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простору мысли и фантазии, форме и содержанию.

О. ВОИТИНСКАЯ.

ЗАПИСКИ ЧИТАТЕЛЯ

ИДЕЯ И ПРАКТИКА

Перед нами комплект журнала «Литературная учеба» за прошлый год. Перечитав, восторг, переживаешь давно прочитанное, и снова с неослабевающей силой тобою овладевает знакомое чувство неудовлетворенности и раздражения. Вместо живой учебы, живого нужного слова, на страницах журнала мелькают литературные эссеисы на отвлеченные темы.

«Литературная учеба» за 1937 год

В одном из своих писем А. М. Горький говорит: «Идея литургов по литературной технике, действительно, принадлежала мне, но я предлагал осуществлять эти курсы, имея в виду обучение молодежи именно технике, т. е. русскому литературному языку главным образом и прежде всего...»

Вот что должно являться боевой программой учебного журнала молодых авторов. С этим и надо подходить к оценке произведений им работы.

Когда читаешь номера «Литературной учебы» за 1937 г., прежде всего бросается в глаза крайняя бессистемность публикуемого материала.

Товарищи из «Литературной учебы» могут заявить, что замечание о бессистемности неверно, что, наоборот, журнал полнителен множеством разнообразных тем. Анализируя причину этого «разнообразия», можно констатировать удивительные хронологические совпадения. Так, например, статьи о Герцене появляются к 125-летию со дня его рождения, статьи о Диккенсе, Марклинском, Рутаведели и многие другие также написаны к юбилейным датам. Так как все эти материалы составляют большую часть объема 12 книжек «Литературной учебы», можно смело делать вывод, что основа учебного плана журнала — даты, к которым статьи явно приспособляются. Бессистемность именно в этой «юбилейной» системе.

Все это еще, как говорится, полбеды, ибо учить молодежь можно на любом материале. Весь вопрос — как.

Около двадцати статей (примерно четверть годового объема журнала) написаны о Пушкине. Идея концентрации внимания молодых авторов на творчестве величайшего поэта русского народа хороша, и, конечно, при правильном учебном разрешении ее успех этого цикла был бы очень велик. Вся беда в том, что именно учебного во всех материалах молодой автор найдет очень мало. Имется большая глава из биографии поэта «Пушкин после смерти». Написана она добросовестно, чувствуется знание материала, характеризующих эпоху и личность поэта. Сделана также попытка по черновикам восстановить творческий процесс создания Пушкинских стихотворений «Анчар». Но этой попытке, хотя и имеющей практически-творческий характер, недостает того, чтобы решать вопрос о помещении этого громадного материала в учебном журнале.

Очень сухая гладкая, лакированная статья «О стиле лирики Пушкина». За ее громкими, многотажными, написанными сугубо академическим языком фразами, чрезвычайно трудно добраться до сути дела. Неясные места лижут нас возможности цитировать отдельные красоты «учебного» языка этой статьи. Оправдают название автору на замечательные слова Толстого, сказанные молодому Горькому: «...язык очень бойкий, с фокусами, это не поэзия».

Теперь о статье — «Пугачев на Южном Урале в произведениях Пушкина». Уже самый заголовок говорит, что статья на очень отвлеченную тему. Если добавить, что в ней очень много цитат из... «История пугачевского бунта» и «Капитанский дочка», свободных авторских комментариев вроде того, что «Пушкин — великий реалист-художник — дает незабываемые образы работы — волжской востанья — Хлопуши, Белобородова», — учебная ценность статьи станет совсем очевидной.

Мы отбрали статьи, ошибки которых типичны и для остальных материалов пушкинского цикла, помещенных в журнале. Иско, что этот цикл никоим образом не может удовлетворить молодых авторов. Пушкин за рабочим столом — инженер слова и человеческой души, несмотря на обилие напечатанного материала, все же не раскрыт, не показан.

У нас много писали и пишут о том, что Пушкин добросовестно работал над каждой строчкой, и секрет «легкости» его строфы обусловлен громадным черновым трудом. Оправданно ли это утверждение?

Вот что пишет о Пушкине А. М. Горький: «Идея литургов по литературной технике, действительно, принадлежала мне, но я предлагал осуществлять эти курсы, имея в виду обучение молодежи именно технике, т. е. русскому литературному языку главным образом и прежде всего...»

Вот что должно являться боевой программой учебного журнала молодых авторов. С этим и надо подходить к оценке произведений им работы.

Когда читаешь номера «Литературной учебы» за 1937 г., прежде всего бросается в глаза крайняя бессистемность публикуемого материала.

Товарищи из «Литературной учебы» могут заявить, что замечание о бессистемности неверно, что, наоборот, журнал полнителен множеством разнообразных тем. Анализируя причину этого «разнообразия», можно констатировать удивительные хронологические совпадения. Так, например, статьи о Герцене появляются к 125-летию со дня его рождения, статьи о Диккенсе, Марклинском, Рутаведели и многие другие также написаны к юбилейным датам. Так как все эти материалы составляют большую часть объема 12 книжек «Литературной учебы», можно смело делать вывод, что основа учебного плана журнала — даты, к которым статьи явно приспособляются. Бессистемность именно в этой «юбилейной» системе.

Все это еще, как говорится, полбеды, ибо учить молодежь можно на любом материале. Весь вопрос — как.

Около двадцати статей (примерно четверть годового объема журнала) написаны о Пушкине. Идея концентрации внимания молодых авторов на творчестве величайшего поэта русского народа хороша, и, конечно, при правильном учебном разрешении ее успех этого цикла был бы очень велик. Вся беда в том, что именно учебного во всех материалах молодой автор найдет очень мало. Имется большая глава из биографии поэта «Пушкин после смерти». Написана она добросовестно, чувствуется знание материала, характеризующих эпоху и личность поэта. Сделана также попытка по черновикам восстановить творческий процесс создания Пушкинских стихотворений «Анчар». Но этой попытке, хотя и имеющей практически-творческий характер, недостает того, чтобы решать вопрос о помещении этого громадного материала в учебном журнале.

Очень сухая гладкая, лакированная статья «О стиле лирики Пушкина». За ее громкими, многотажными, написанными сугубо академическим языком фразами, чрезвычайно трудно добраться до сути дела. Неясные места лижут нас возможности цитировать отдельные красоты «учебного» языка этой статьи. Оправдают название автору на замечательные слова Толстого, сказанные молодому Горькому: «...язык очень бойкий, с фокусами, это не поэзия».

Теперь о статье — «Пугачев на Южном Урале в произведениях Пушкина». Уже самый заголовок говорит, что статья на очень отвлеченную тему. Если добавить, что в ней очень много цитат из... «История пугачевского бунта» и «Капитанский дочка», свободных авторских комментариев вроде того, что «Пушкин — великий реалист-художник — дает незабываемые образы работы — волжской востанья — Хлопуши, Белобородова», — учебная ценность статьи станет совсем очевидной.

Мы отбрали статьи, ошибки которых типичны и для остальных материалов пушкинского цикла, помещенных в журнале. Иско, что этот цикл никоим образом не может удовлетворить молодых авторов. Пушкин за рабочим столом — инженер слова и человеческой души, несмотря на обилие напечатанного материала, все же не раскрыт, не показан.

У нас много писали и пишут о том, что Пушкин добросовестно работал над каждой строчкой, и секрет «легкости» его строфы обусловлен громадным черновым трудом. Оправданно ли это утверждение?

Вот что пишет о Пушкине А. М. Горький: «Идея литургов по литературной технике, действительно, принадлежала мне, но я предлагал осуществлять эти курсы, имея в виду обучение молодежи именно технике, т. е. русскому литературному языку главным образом и прежде всего...»

Вот что должно являться боевой программой учебного журнала молодых авторов. С этим и надо подходить к оценке произведений им работы.

Впечатление от такого обзора, как от путешествия «газетом по Европе». Очень плохо и то, что не нашлось места для специальной статьи о лучшем поэте нашего времени — Владимире Маяковском.

Теперь о том, что должно быть в журнале главным, и чему обычно уделено место где-то на задворках. Мы говорим о статьях лабораторно-учебного характера. Хотелось отметить две, до-настоящему хорошие и нужные молодым: это М. Исаковский — «О стихотворении «Разлука». Работа И. Исаковского, в которой производится детальный разбор стихотворения одного молодого поэта, ценна именно своей лабораторностью. Умело подчеркиваются ошибки, чувствуется исследование желание научить автора их не повторять. К достижениям тов. Исаковского надо отнести его умение отбраковать ошибки типичные.

Остальные статьи лабораторно-учебной группы также имеют свою несомненную ценность, но менее ярки и убедительны. К сожалению, в числе 93 статей, помещенных в журнале за год, мы найдем почти всего только 8. Эта печальная арифметика еще раз подтверждает, что «Литературная учеба» оторвана от жизни и требований молодых авторов, а занимается литературными эссеисами на отвлеченные темы.

Что же нужно сделать, чтобы журнал стал необходимым пособием для молодых? Прежде всего, конечно, надо отказаться от публикования схоластических трактатов, их читает никто не будет: «взрослые» писатели потому, что журнал предназначен для молодых, молодые — потому, что они — скучный и плохой учитель.

Надо оживить самую манеру писания статей для этого журнала. Газета «Пионерская правда» и журнал «Техника-молодежь» умеют преподнести своим читателям увлекательные статьи на очень «сухие» и сугубо технические темы. Литература — дело вовсе не сухое, и овладевая живой, образной формой изложения ее для коллектива журнала совершенно естественно.

Учить молодых должны писатели, — это основное. Только при этом условии журнал сможет отвечать своему назначению. На страницах журнала должны выступать мастера и рассказывать о своем творчестве, о своей технологии, о том, как отыскиваются и ставится на свое место слово, чеканится образ.

Журнал должен отказаться от белых, не говорящих ни уму, ни сердцу обзоров. Такие обзоры, как «Поэзия армянского народа», «Литература Советской Белоруссии» и другие дают очень мало познавательного материала. Приемы творчества писателей наших республик нуждаются в обстоятельном показе с упором на характерные особенности, обусловленные историей развития литературы того или иного народа.

Совсем не поднят вопрос колоссальной важности — о записной книжке писателя. Рассказывать об этом должны опять-таки писатели, ибо кто, как не они, вынашивают замыслы, кто доказывает «учебность» этой темы никому не придется.

Журнал «Литературная учеба», созданный по горьковской идее, необходим нашей пишущей молодежи. Но не в таком виде. Его нужно выстроить добросовестным учебным материалом.

И. ФЕДОРОВ
Строительство автозавода им. Сталина.

Фольклор Дона и Кубани

Ростовская область чрезвычайно богата устным народным творчеством. Фольклорная комиссия Ростовского облисполкома собрала свыше 900 песен, до 3 тысяч частушек, несколько сот сказок, свыше тысячи пословиц и поговорок, 350 народных загадок, былин, легенд. Запис фольклорных произведений производилась свыше чем в 120 населенных пунктах области.

В собраниях устного народного творчества принимало участие до 200 человек. Все эти записки послужили материалом для выпускаемого Ростовским издательством

Настоящее начало

Большая радость, когда вдруг открываешь для себя нового поэта. Еще радостнее, когда ты давно знал поэта, давно и упорно его не любил и не воспринимал, и вдруг, открыв журнал, видишь его вещь, непохожую на все предыдущее, вещь, глубоко волнующую тебя и переворачивающую все твои привычные представления об этом поэте. Именно такое ощущение было у меня, когда я впервые прочел «Твою поэму» С. Кирсанова.

К. СИМОНОВ

НАСТОЯЩЕЕ НАЧАЛО

Я говорю о поэме «Война с чумой». Вещь эта была замолчана и справедливо замолчана. В этой поэме было все: и условные сказочные Вая с Машей, в дом к которым попадает из Японии чума, и чужие, отчужденные и насквозь прожаренные кресты, и газифонофорные трубы, и с помощью которых производится борьба с чумой, словом все, кроме тревожного чувства надвигающейся войны, все, кроме настоящего серьезного призыва к бдительности.

В целом же в этой поэме Кирсанов со своими прежними условными антиреалистическими приемами оказался несоответственным перед лицом большой насущной проблемы.

Между опубликованием «Войны с чумой» и «Твоей поэмы» прошло четыре месяца. Между тем трудно даже сразу оценить ту дистанцию, которая разделяет эти две поэмы. Если в прежних вещах Кирсанов под парадом остроты слов и вымученных метафор с трудом отыскивались искры подлинной жизни, крупицы настоящей человечности, то «Твоей поэме» оказалось в целом проникнутой болью, она оказалась и буршею за сердце повзрослевшего человека, глубоко личная и проникнутая большим горем, она оказалась вещью отнюдь не узкой и не камерной.

В последние годы советские поэты, разрабатывая героическую тематику, усердно работали в области песни, зачастую слышком отходили в сторону от личной лирики, от глубокого психологического показа своих чувств и переживаний. Какую-то робость в описании своих личных радостей и горей, любви и страдания нередко приносила к тому, что все это бралось слишком поверхностно и общо. Неправильное представление о том, как сочетать личное с общественным, слишком часто приводило к написанию скверной теории «равновесия», по которой в одном стихотворении чувство горя сейчас же спешило уравновесить чувством радости и рядом с ушедшей от поэта девушкой ставили баро дымящие фабричные трубы.

Надо ли говорить, что это насквозь гнилая теория, ибо чувства, описанные уравновешенно на антикарских весах, переставали быть чувствами, а пазоловильное сочетание дуплет с трубами вызывало у читателя отвращение и к тому и к другому.

Между тем эта опасливость и антикар

Велика и могуча наша родина. Неоскучным утесом высятся она, являя собой символ надежды и счастья всего угнетенного человечества. Песни радости несутся из края в край, не сдержат их и границы. Наши песни слышат китайские бедняки, азиатские в тиски смерти японской военщины; внимают им и польские крестьяне, сгибаемые под нажимом армий; слышат их румынские батраки, устремляя взоры туда, за Днепр, где на советском берегу вылетают мирные дымки молдавских колодезь.

Народы нашей родины славы в песнях свое счастье сегодня, свое богатую жизнь, воспевают незабываемый героический путь суровой борьбы и побед, который они прошли под боевыми знаменами Ленина—Сталина.

Кто в силах сосчитать все сокровища перенесенного искусства, созданные самим народом о своих думах, делах и днях? Поистине, они неисчислимы. Поэтому благодарна всякая попытка, продиктованная любовью к народному творчеству — собрать и издать хотя бы частную эту неисчерпаемую богатства.

Очень хорошо сделали белорусские советские композиторы, издав сборник народных и революционных песен белорусского народа. — Минск, Госиздат Белоруссии, 1938 г. 240 стр. Тираж 8.000 экз.

Белорусские народные и революционные песни. — Минск, Госиздат Белоруссии, 1938 г. 240 стр. Тираж 8.000 экз.

Большие ошибки «малой серии»

Три года тому назад в издательстве «Советский писатель» вышла миниатюрная книжечка под названием «Эпическая поэзия». Этой книжечкой открылась малая серия «Библиотеки поэта». С тех пор вышло уже около сорока книжек этой серии, завоевавшей прочную популярность в читательских массах.

Особое значение такой серии, задача которой познакомить молодежь с историей русской поэзии, имеют вступительные статьи, освещающие поэтическое наследие. Но, увы, именно вступительные статьи в значительной мере обесценивают и уродуют эту серию.

Каждое слово, огромное культурное значение издания «малой серии» должно было привлечь к ней внимание всей литературной общественности. Между тем никакого общественного контроля за этим изданием нет.

А. М. Горький дал замечательно яркую характеристику русской литературы и общественной роли писателей-классиков. «Наша литература», — писал он, — наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней — вся наша философия, в ней зачатые великие порывы духа; в этом дивном, скажешь быстро построенном храме по сей день ярко горят увы великой краем и силой, сердца святой чистоты и умы и сердца истинных художников. И все они, правдиво и честно освещая понятие, переживают и говорят: храм русского искусства строен нами при молчаливой помощи народа, народ вдохновлял нас, — любите его!»

Совсем иной представляется русская литература, если мы обратимся к вступительным статьям малой серии «Библиотеки поэта».

Большинство статей малой серии написано так, как будто их автор имеет основное личное ненавистие классиков.

Возьмем, например, статью о крупнейшем поэте XVIII и начале XIX в. — о Ломоносове, Державине, Крылове, Баратынском, Дельвиге, Гнедиче. Что же сказано об этих замечательных людях, значителях культуры и поэзии русского народа?

О Ломоносове пишет Н. Берков, именующий великого русского ученого и поэта «идеологическим работником дворянского государства» и «идеологом елизаветинской эпохи».

Державин не менее жестко рекомендует Г. Гувковский. Гувковский в записках о нем сообщает, что значение поэзии Державина не было в пору человека, легко преодолевшего оковы страдания, в пору человека, демонстрирующего свое железобетонство.

Нет, — это поэма о горе, которое было вчера, есть сегодня и еще будет завтра. В поэме нет скупых: вот как было мое горе, и вот как я его переживал. Наоборот, здесь и переплетаются два чувства: чувство большого горя и чувство своей привязанности к жизни, жизнелюбия, существующего вопреки этому большому горю.

Незавидная поэтическая техника Кирсанова, накопленная за все предыдущие годы, впервые применена и трагической, глубокой теме. Те самые приемы, которые раньше повисали в воздухе, здесь падают на исключительными использованные с большим тактом, стали на службу мысли и чувству. Когда Кирсанов говорит в поэме:

Как руки милые тонки!
Как мало их в моих руках!

или:
А ты уже ловила воздух ртом,
и я себя лавила на том что томе
воздух ртом ловлю, —

это не просто игра слов — а прежде всего блестящие психологические находки, игра слов только подчеркивает остроту этих психологических находок. Примеры можно умножить, но дело не в их количестве, а в том, что Кирсанов вообще обратил к разработке психологии и в лучших местах поэмы разработал ее так правдиво, что читатель уже верит, и мало сказать верит, — у читателя непременно возникает свой более или менее далекие ассоциации, вспоминаются свои жизни, свои горе, может быть, далекие от горя поэта, но в то же время имеющие с ним какие-то общие черты. В этом значении и улача всякой лирической поэмы, в этом ее суть. Лирическая поэма только тогда хороша, когда читатель в минуты совпадения своих чувств с чувствами автора может войти в его поэму и жить в ней как в своем собственном привычном доме.

Можно ли все это отнести к поэме Кирсанова целиком? Я уже говорил о том, что в поэме параллельно существуют чувства горя и жизнеутверждения, причем вполне естественно, что в начале преобладает чувство горя, а ощущение жизнелюбия, существующее с самого начала поэмы, в ходе ее территориально занимает все большее место. Это, вообще говоря, понятно,

окого народа. В сборнике — песни и для хорového и для сольного исполнения. Все тексты снабжены нотной записью. Открывается сборник шестью текстами из «Песни» белорусского народа великому Сталину: «Они большевистские идеи», «На пути Полесья», «Мы победы ждем...» Отром-ной синовиной любовью и благодарностью за счастье нашу жизнь дышат слова, обра-щенные от полного сердца народа к своему лучшему другу, отцу и вождю — к товарищу Сталину:

Со всех уголков Белоруси черной От Немана, Уся, Днепра и Двины, От стыка с венделю, врагам плененной, Пришли мы, Советского края сыны.

Расскажем тебе мы правдивые были, Как жили веками без радостных дней, Как слыны согбенные мы распрямами, Согреты теплой заботой твоею...

Прекрасные и простые, как полевые цветы, слова находят народ, чтобы выразить свою любовь и преданность партии большевистской и ее руководителям.

В сборник включены известные «12 песен о Красной Армии»; среди них: песня о Ворошилове («Был слесарь луганский»); песня о Серго Орджоникидзе («Под Боржо-вом»); колхозная застольная «Наши хаты мы украсим», в которой бойцы гражданской войны вспоминают, «как мы шли литой колонной, сердцем Сталина согреты...». Бол-дость, неоскучная сила звучат в этих песнях!

Цветет Белоруссия...

Сунься враг! — и песня сияет! Гость невзванный будет битым. Пусть же твердо помнит это Враг — и тайный и открытый.

В разделе «Советский фольклор» мы встречаем две прекрасные песни о Сталине, антиреволюционную песню, интересные колхозные припевки. Превосходна песня «Вашел светел месяц», где говорится о великой помощи Ленина и Сталина трудовому крестьянству.

Чем дальше переживаешь страницы сборника, тем больше и полнее испытываешь осемяозающую радость и волнение, словно принаешься к струям изумительного по силе и красоте несомняемого родника. Глубоким лириком веет от песен о любви к природе:

Як сарчу я ружыя кветку Да папу на воду: — Плыў, плыў, ружыя кветка, Да самога броду.

Народ, сумевший создать на своей земле счастливую жизнь, сумевший сделать свою страну непреступной для любых врагов, умеет создавать и пять чудесные песни, порождающие яркостью образов, непосредственностью и силой чувства. Около ста мелодий и текстов (замечания наши относятся лишь к текстам) объединены в сборнике.

Издана книга на хорошей бумаге, оформлена заботливо и культурно. Н. СИДОРЕНКО

Ряде своих политических стихов (начиная с 1830-х гг.) выступил, как реакционер, а в последние годы жизни он активно участвовал в травле революционно-демократических писателей. Нужно ли доказывать, что именно «манере видеть мир» советские поэты менее всего должны учиться у Маякова!

В ряде других случаев авторы отделиваются от постановки этой проблемы схоластическими определениями, как, например, В. Гишпун, утверждающий, что «диалектика страстной и мыслящей» человеческой личности, глубокое и полное воспроизведение внешнего мира» являются теми сторонами творческого психического наследства, «которые могут быть восприняты, как плодотворные элементы и поэзии социалистического общества».

Узкое теоретизирование, оторванность от злободневных вопросов советской литературы чувствуется у авторов вступительных статей в особенности при попытке установления эстетической ценности творчества поэта. С этой точки зрения показательно статья Б. Вухштаба о Фете. Не имея, по моему мнению, права по этому немаловажному вопросу, Вухштаб обращается за помощью к приверженцам «чистого искусства» А. П. Григорьеву и Дружинину, что приводит его к путаным рассуждениям такого типа: «Душевное состояние не может быть названо, а лишь «наведено на Душу». Отсюда постоянная у Фета тема «моей речи», т. е. внесловесной передачи душевных состояний, раскрытия чувства вне слов».

Решительного осуждения заслуживают статьи «малой серии» о Жуковском, Мее, Огареве, Вяземском и Бенедиктове. Откровенные переделки, заумная терминология, полнейшее непонимание задач освоения наследства прошлого, — все это в большей или меньшей степени характеризует эти «отводы и характеристики».

С. Ревелер, например, в своей статье об Огареве, не задумываясь, перадресовал все приводимые им цитаты из Ленина и Герцена Огареву.

Все ошибки «малой серии» должны быть исправлены в последующих изданиях. Что к этому имеют все возможности, свидетельствует наличие в той же серии содержательных и интересных статей, как, например, статьи о Карамзине, Алексее Толстом, Кольцове, Катенине, Апугине.

Л. Г. КУЗНЕЦОВА
И. И. СУРОВ.

не поднимает темы жизнеутверждения. Дурно замалчивает контраст не вышедшей, и если бы поэма держалась только на этом контрасте, то и следовало бы считать не вышедшей. Но к счастью Кирсанов, допуская один, пусть очень крупный, промах, в остальном напугал правильную дорогу. О жизнелюбии поэта говорит не шмыряние в воду придуманного маузера, а прежде всего та тысяча вещей, которая еще связывает человека с жизнью после потери любимой женщины. И эти нити пусть не всегда достаточно, но они показаны в «Твоей поэме»: здесь и ребенок, оставшийся на руках у героя поэмы, здесь и друг, к которому можно прийти в трудную минуту, здесь стихи, здесь, наконец, самое воспоминание о большой любви, старый дом, Москва, исхоженная вместе.

В этом отношении особенно хорошо то место, когда герой после она, в котором он идет с ребенком на руках через бушующее море, попадает в шумную, живую Москву. Улицы, трамвай, старик, уступающий ему в вагоне метро, девушка — все это вместе возбуждает желание жить и работать.

И совершенно напрасно Кирсанов, говоря дальше об этом желании, риторически перечисляет, ставя многочисленные вопросительные знаки:

Кто это мы? Жальче? Жизнь? Поэзия? Социализм? Любовь? Москва?

Зачем все эти восклицания, начево не прибавляющие к уже сказанному? Если Кирсанов хотелось (а это, разумеется, и нужно) еще подкрепить, упрочить победившее в нем жизнеутверждающее чувство, он должен был вместо восклицаний найти простые, нужные слова о Москве, о нашей жизни, о хороших советских людях.

«Твоя поэма» веда вызывает оживленные споры и самые разноречивые оценки. Больше того, даже людям, приятным и полезным поэму в целом, многое в ней мешает, а выше уже говорил об этом, но несомненно одно: это сила и глубина чувства, заложенного в поэме. Кирсанов показал своей поэмой, что он поэт большой страсти.

Иногда бывает, что поэт оказывается известным и признанным раньше, чем он сам по-настоящему нашел себя. Тем труднее ему не задохнуться от похвал, не прекращать поисков, тем больше чести ему, когда он в большом трудовом пафосе, наконец, себя, делает свое настоящее начало.

С. МАРШАК

РАЗГОВОР НА ПАЛУБЕ

На корме, усевшись рядом, Разговаривал по-русски, Провожая долгим взглядом Острова и корабли.

Мальчуган в матросской булзе Разговаривал по-русски, А мальчишка в пижаке — На испанском языке.

Дети севера и юга Не могли понять друг друга, Но отдельные слова Оба сразу понимали:

— Ибаррури, Лена, Сталин, Комсомол, Мадрид, Москва...

И казалось: два народа Говорят между собой Здесь — у мачты парохода Над равнинной голубой.

ВАНЬКА-ВСТАНЬКА

Уснули телата, уснули цаплята. Не слышно веселых скворчат из гнезда. Один только мальчик — по имени Васька,

По прозвищу Встанька — не спит никогда.

У Васьки, у Встаньки несчастные янычки: Начнут они Ваську укладывать спать, А Васька не хочет — приляжет и

Уляжется снова и встанет опять.

Укроют его одеялом на вате, — Во сне одеяло облетит он прочь И снова, как прежде, стоит на кровати, Стоит на кровати ребенок всю ночь.

Лечил его доктор из детской больницы, Больному сказал он такие слова: Тебе, дорогой, потому не ложится, Что слишком легка у тебя голова!

Студия «Союздетфильм» готовится к выпуску на экраны фильм «Детство Горького». На снимке: кадр из фильма — 18-летний школьник Алеша Лярский в роли Алексея Пешнова и артист Зюбко в роли Григория. (Сокофот).

К. ЧУКОВСКИЙ

«Снова в гимназии»

Глава из новой повести «Секрет»

В этой повести автор рассказывает о своем детстве. Здесь не изменено ничего, кроме некоторых имен и фамилий. Автору хотелось, чтобы, благодаря этой повести, люди, не жившие при старых порядках, могли представить себе, какое небывалое счастье дает им статья Конституции о праве на образование. Пусть увидят своими глазами, каково жилище русским людям без этого права.

Ниже печатается в очень сжатом и укороченном виде пятая глава повести.

На другое утро и проснулся чуть свет и хотел тотчас же броситься к маме, чтобы сказать ей ту фразу, которую приготовил вчера:

— Мама, не пугайся, пожалуйста! Все будет отлично, давай тебе честное слово! Шестиглазый выгнал меня из гимназии.

Но тут мне пришла в голову озорная мысль: взять ранец и пойти в гимназию как ни в чем не бывало. Пройдусь туда тихонько, раньше всех. Сяду за свою парту и буду сидеть, притаившись! Может быть Шестиглазый не увидит меня: он ведь такой близорукий. А если и увидит — кто знает? — может быть ему станет жалко меня, он махнет своей маленькой ручкой и скажет:

— Ладно, оставь же, не помни... Мне так хочется верить в это, что через две-три минуты я начинаю воображать, будто и в самом деле никакой особенной беды не случилось, торжественно хвастаю шинелью и фуражкой и выбегаю в безлюдную улицу, пристегивая ранец на бегу.

В окне у часовщика на Канатной всего только без четверти семь.

Вот и гимназия. Тяжелая дубовая дверь. Никого еще нет. Я вхожу в вестибюль, оставляю на вешалке шинель и фуражку, пробираюсь в класс, сажусь за парту и вынимаю из ранца учебники. «География» Георгия Ячнина. Реки Сибири. Отлично! Я раскрываю атлас и начинаю зубрить:

Лена. Обь. Енисей. Колыма. Ангара. Индигирка.

Не проходит и четверти часа, как все реки Сибири в каком угодно порядке, вразобрё, и с концами, вымучены мною наизусть. Чужие реки, многоводные, богатые рыбой! И какие звучные у них имена: Хатанга! Индигирка! Анадырь!

Теперь, когда меня каждую минуту могут выгнать из класса на улицу, все зеленее кажется мне превосходство. Вот подлезла в учительскую, расчесывая гребнем обильные свои бакенбарды, учитель рисования Галиция (халица Барбос) — он же надзиратель старших классов. Это младший и солидный, ненавидящий нам всем.

Он совершенно покоем на дюрняги и даже капляет, как простуженный нос.

Но нынче мне мила и он, то-есть не то, чтобы мила, а жалок. Говорит у него какая-то болезнь, — колит. Жидкие бакенбарды его сегодня свисают как-то особенно грустно. Бедный, старый облезлый Барбос! Легко ли ему яблится с утра до вечера, подглядывая, абытаться!

А вот учитель истории Иван Митрофанович Карпенко, которого мы зовем Фити-Монти.

Сегодня он мне тоже особенно мил, и я рад, что вижу его крупную, сризненную, упрямую, лобастую голову.

Фити-Монти — человек не без странностей, но все же мы любим его и охотно прощаем ему все грехи и чудачества.

Грехов у него, впрочем, немного. Всего только два. И первый его грех вот такой. Стоит ему рассердиться, он выпаливает, как пулемет, целую обойму ругательства — без передышки, одно за другим. И всегда в одном и том же порядке:

— Мазень! Свистун! Горлопаны! Фити-Монти! Рваные панталоны! Куроцаны! Алеуты! Жуки на заборе!

Все эти дикие слова вылетают из него единым духом. Их порядком он не нарушает никогда. Все мы вымучили их наизусть и, если он пропустит хоть одно, говорим ему хором:

— Не так!

И он сейчас же повторяет все ругательства снызнова, на этот раз не пропуская ничего.

Второй его грех такой. Если вы не знаете урока, он сиповатым, нежно воркующим голосом подзывает вас к себе, словно хочет приласкать и обрадовать:

— Ближе! Еще! Еще!

Вы подходите вилотушку к самой кафедре, и он говорит, улыбаясь приветливо:

— Возьмите, пожалуйста, перышко! Умокните в чернила и поставьте себе в эту клеточку... нет, не сюда, а сюда... единичку.

Поставить себе единичку это все равно, что ударить себя кулаком. Вы ставите тоненькую, еле заметную.

— Но зачем такую тошную? Жирнее! Не стесняйтесь, пожалуйста.

Зато его уроки — для всякого радость. Неужели меня выгонят отсюда, и я больше никогда не услышу, как медленно и одно за другим, изображая перед нами Фити-Монти и самонавещая и Грозного, и свержение татарского ига, и Владимира Мономаха, и Минина. Все его рассказы такие занятные, будто он был лично знаком и с Петром I и с Григорий Отрепьевым. Даже тучелазы братья Бабенчиковы слушают его, разинув рот.

А вот и он. До чего краснотка и счастлив! Идут к своей парте и громко сообщают по дороге какую-то шоколадную сласть и утирают жидкую слезу рукавом.

Почему их, этих губошлепов и лодырей, которые не интересуются ничем, кроме пакостных анекдотов и карт (я уверен, что и сейчас у них в ранце есть одна или две колоды), почему этих скудоумцев, несмотря ни на что, награждают четверками, переводят их в класс в класс и через три года отлезают студентами в зеленых мундирах, а я?

Впрочем, что же мне жаловаться? Я все еще сижу за своей партией, как сидел вчера и вчераше, и никто меня не гонит, все отлично, и вокруг меня те же товарищи, с которыми я под одним потолком пробываю неразлучно пять лет.

Вот и Зюв. Илет, семени по-старушечьи ножками, опустив на грудь свою тяжело-веселую голову.

Нынче с утра, по случаю субботнего дня, еще до начала уроков, он, вместо того, чтобы повторить географию Ячнина, бегал по церквам и часовням и усердно молился о том, чтобы учителя, за исключением двух-трех, заболели холерой и умерли.

А вот исплаканный, несчастный Козельский. Сегодня и завтра ему предстоит просидеть в кариере по четыре часа — «за подделку отметок». Отчего он и плачет, куда? Я был бы рад просидеть в нашем кариере двадцать часов, — нет, не двадцать, а двести, — лишь бы Шестиглазый оставил меня на этой скамье!

Вот и Муля Блохин. Запыкался, воплет, боится опоздать и бежал всю дорогу. А живет он далеко, за Курганями, и, как нарочно, он сегодня дежурный.

— Здравствуй, Муля!

— Ффа! ты здесь?

Он смотрит на меня с удивлением и присаживается на край моей скамьи.

— А я слышал, что тебя (он делает жест кулаком, показывающий, как выталкивают человека за дверь)...

— Муля, ведь, и правда, меня выгнали, — говорю я и хочу улыбнуться, но, чуть только я выражаю мое горе словами, я впервые с необыкновенной силой чувствую всю отчаянность моего положения.

Мне становится так жалко себя, что у меня начинают дрожать подбородок. Я слышу, как мои редкие слезы капают на «Географию» Ячнина, орошая — и без того многоводные — реки Сибири: Хатанга, Индигирка, Анадырь.

— Меня выгнали... И все же я пришел... потому что...

Он понимает, что я плачу. И я пришел и сижу, потому что...

Я стараюсь плакать беззвучно. И плачу до икоты, до бульканья в горле.

Он с сомнением чмокает губами.

— Ты думаешь: не заметят? Ой-ой!.. А впрочем, откуда мы знаем? Посмотрим! И... садись-ка ты лучше сюда. Ты — на мое место, а я на твоё. Раздвину локти, и вот тебе ширма.

Это очень ничтожная помощь, но никакой другой оказать он не в силах. Я хватаюсь и за эту соломинку.

К счастью, никто никто не интересуется, хотя теперь без трех минут половина десятого, когда напор особенно силен. В это время по коридору всегда проносится, как летучая мышь, Шестиглазый, глядящая по порядку в каждый класс, и в каждом говорит одно и то же:

— Прекратите. Немедля. — ЭТОТ. — Безобразный. Галдеж!

И продолжает на тыпочках дальше какой-то чрезвычайно затейливой и хлопотливой походкой.

Прозвонил звонок, и в комнату вприпрыжку мчится Лия, учитель французского, вытирая свои крошотные лобик концами теплополюющего шарфа. Мсье Лия не только не страшна. Хотя он приехал в Россию давно, но все еще не понимает по-русски.

Мсье Лия кажется человеком, упавшим с луны: не знает в лицо ни одного гимназиста, никогда не соображает, в каком он находится классе, и в течение нескольких лет не научил нас ни одному французскому слову. Впрочем, нет: одно французское слово мы все знаем твердо. А именно: что Лия (Liane) это — осел.

Но все же в нем есть что-то милое. Нынче я вижу его особенно ясно. Даже его достопримечательный шарф не вызывает во мне обычной насмешки. В сущности, чем же он плох, этот шарф? Мсье Лия не только обматывает им свою тощую заблуду шею, но и чистит им туфли и стирает им мел с доски. В него же он часто и гулко сморкается.

Но вот заремел звонок, и все выбежали в коридор — на перемену. Я же продолжаю сидеть, притаюсь, и так как дежурный — Муля, никто не тревожит меня.

Следующий урок — геометрия — тоже миновал благополучно.

И так как в шестом классе все еще не кончилось «дело о кошке» (нет сомнения, что в настоящую минуту Шестиглазый провозит там вещь), я пользуюсь этим во-всем: выбегаю во время второй перемены из класса и мчусь, как паровоз, по всему коридору — от стены, где висят часы, до стены, где висят иконы.

(Стена огорожена деревянной решеткой, и за этой решеткой Шестиглазый устроил изобретение, моделью — как бы специально для Зюва, который даже пробегая в уборную, останавливался здесь покреститься).

Я неудержимо пошусь ввал-вперед, сколько, как по льду, по вошеному полу.

Звонок.

Я усиживаюсь поскорее на место и открываю учебник по русской истории. Царствование Екатерины Второй. Параграф восьмой и девятый. Сейчас войдет сюда Иван Митрофанович, и я опять услышу его необычную ругань!

— Мазень! Свистун! Горлопаны! Фити-Монти! Рваные панталоны! Алеуты! Жуки на заборе!

Наконец учитель направился к двери.

Все с ревом и топотом, смеясь и толкаясь, помчались вслед за ним в коридор. Выбежал вместе со всеми и я, стараясь по возможности держаться в самой гуще толпы, чтобы меня не заметили ни Прошка, ни Барбос, ни Юнгмелстер.

Только бы прошла большая перемена! А потом уже нечего бояться!

Следующий урок после большой перемены — латынь. А потом география. То же не страшно! Многоводные реки Сибири: Хатанга, Ангара, Индигирка, Лена, Анадырь, Колыма!

А потом — домой к себе на Рыбную! А завтра — воскресенье! А в погреб — еж!

В коридоре толпа гимназистов штурмует покрытый грязью отскрежетом стол, на который навалена грудка сестно. Колбаса! Ветчина! Бутерброды! Меня вдруг охватывает львовский голод: вернее, я только теперь замечаю, как сильно я проголодался с утра. Попрошу Пущкина, чтобы продал мне в долг булочки «семиты» или французскую булку.

Пущкин смотрит на меня недоверчиво, но все же после небольших колебаний достает из корзины сморщенное вчерашнюю булку и беззаботно сует ее мне. Оп, как маленькая! Мне бы таких пяти или шести!

— Пушкин, нельзя ли еще? — Нет тут я слышу у себя за спиной: — Па-авольте! Па-авольте! Па-дадите минутку!

Оглядываюсь: Прошка! Желтые тараканы усы. Помытое лицо. В голубых глазенках — удовольствие.

— Что вы здесь делаете, уважаемый сэр? Я разстеряно гляжу на него и почему-то показываю ему французскую булку.

— Вот... я купил... То-есть не то, что купил, но... Я завтра отдам... А сегодня...

— Здесь вам не булочная, уважаемый сэр! — говорит он громко, на всю залу. — Или вы не заметили: на деревьях у нас виселока: «посторонним вход строго воспрещается».

Гимназисты окружают нас молчаливой толпой. Многие бегут из далеких концов коридора. Их не меньше ста, а откуда-то мчатся еще и еще. Двое или трое — со скрипящими, должно быть у них только что кончилась музыка.

— Здесь вам не булочная! — повторяет Прошка зычным голосом, глядя не на меня, а на булочки. Он похож на актера, который долбился наконец до любимой вытрезившей роли и собирается сыграть ее под аплодисменты всей залы.

Прошка ненавидит меня еще с первого класса.

— Поглядите в окно! — говорит он звонким от радости голосом. Все вытравивают шею и смотрят в окно. Там на папице у монастырской ограды сгрудилась под мартовским солнцем оборванная беспризорные дети.

— Поглядите в окно! — повторяет Прошка, — сколько там этой рвани, в золотухе, во вшах... Вот тот, кувсмордый, видите? — растянулся на мусорной куче и дрыхлет, а другой сидит на нем верхом и тащит у него из кармана бутылку. Вытащил и сейчас же буль-буль-буль! Не прикажете ли пригласить их сюда? «Садитесь, дорогие алгебраисты, за парты, мы научим вас алгебре, физике, всем азыкам»...

Прошка хихикает, а с ним кое-кто из окружающих его гимназистов... Такой смешной и нелепой кажется им самая мысль о том, что уличная беднота может обучаться наукам.

— Если вся эта рвань будет учиться в гимназиях, кто же тогда будет чистить помойные ямы? — спрашивает он, продолжая смеяться. И обращается ко мне с самой низыканной вежливостью:

— Берите же, молодой человек, ваши вещи, если они у вас есть, и пожалуйста за мной... Сдаю.

Он показывает мне дорогу: «направо-с!» «налево-с!» — как будто я здесь никогда не бывал и велел мне к выходу, как полюбивший своего арестанта.

И покуда я ступ непривычные руки в рукава своей новой, только что сшитой шинели, Прошка делает ужасную вещь: он берет мою фуражку и с большим удовольствием выламывает из нее гимназический герб. В отчаянии выбегаю я в этой фуражке на улицу, а губы мои сами собой повторяют:

— Хатанга, Ангара, Индигирка, Лена, Анадырь, Колыма...

— Хатанга, Ангара, Индигирка, Лена, Анадырь, Колыма...

*) Прозвище сторожа.

А. БАРТО

ДОМ ПЕРЕЕХАЛ

Возле Каменного моста, Где течет Москва-река, Возле Каменного моста Стада ушла узка.

Там, на улице Затопы, Там волнуются Шюферы,

— Ох, — вздыхает постовой, — Дом мешает угловой. Сема долго не был дома, Отдыхал в Артеке Сема, А потом он сел в вагон И в Москву вернулся он.

Вот знакомый поворот, Но ни дома, ни ворот, И стоит в испуге Сема И глаза руками трет. Дом стоял

На этом месте, Он пропал С жильцами вместе! — Где четвертый номер дома? Он был виден за версту, — Говорит тревожно Сема Постовому на мосту.

— Возвратился я из Крыма, Мне домой необходимо. Где высокий серый дом? Постовому на мосту.

— Мама в нем! Постовой ответил Семе: — Вы мешали на пути, Вас решили в нашем доме В переулок отвести. Поинтересуйся утомом И найдет этот дом. Сема полечет со слезами: — Может, я сошел с ума?

— Вы мне, кажется, сказали Бухто движутся дома? Сема замер у порога, Дома он не узнает. Дом приподняли немного, К двери лестница ведет. Сема бросился к соседям, А соседя говорит: — Мы все время, Сема, едем, Едем десять лет подряд. Тихо едут стены эти, И не бьются зеркала, Едут вазочки в буфете, Лампа хрупкая целая.

— Ой! — обрадовался Сема. Значит, можно ехать Дома? Ну тогда в деревню летом Мы поедем в доме этом. В гости к нам Прилет сосед...

— Ах! А дома — Дома нет. Я не выучу уроки, Я скажу учителю: — Все учебники Далеко.

Лом гуляет По подлему. Вместе с нами за дровами Дом поедет прямо в лес. Мы гуляем, И том за нами, Мы домой, А дом... Исчез!

Дом уехал в Ленинград На Октябрьский перел. Завтра утром на рассвете Он вернется, говорит. Дом сказал перед уходом: — Посидите перед школой, Не бегите вслед за мной, Я сегодня выхожу. Мы его напрасно ждем. Грустно можаем под дождем, Мы расстроились до слез, Всю квартиру лом увез.

— Нет, — ропсал сердито Сема, — Дом не должен бегать сам. Человек — хозяин дома, Все вокруг послушно нам. Захотим — И в море стнем, В степях небе Пошлим!

Захотим — И лом поведем, Если нам мешают дом.

В. ШКЛОВСКИЙ

О РОМАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИИ

Существовал когда-то профессор В. Болотов.

Занимался он историей церкви, печатался в церковных изданиях, и часто приходилось ему подробно и испуганно объяснять, почему в работах своих он не опирается на рассказы о чудесах.

Очень любопытное замечание сделал Болотов о гностиках.

Гностиками назывались христиане II и III вв, находившиеся под большим влиянием восточных мифов и греческой философии.

Форма, в которой излагали гностики свое учение, была близка к авантюристическому роману.

Болотов уточнял свою мысль таким образом: «Скорее это были опыты поэтического изложения не философской системы, а религиозной эпопеи. Но всякое время имеет свои исключительные формы изложения. В наше время является весьма интересным изложением естественно-научных истин в сочинениях Жюль Верна, но пройдут века, и эта форма изложения покажется для того времени чересчур забавной» («Лекции по истории древней церкви», СПб, 1910, т. П, стр. 17).

Гностики пользовались формой романа-путешествия, причем для своего времени давали сведения, стоящие на уровне географии эпохи.

Романы гностиков были караванами, нагруженными мистическим товаром. Они шли потом сквозь века, как свет угасших звезд.

История романа путешествия и научно-фантастического романа чрезвычайно длинна и во многих частях своих связана с социальными утопиями.

Изобретения в этом романе не часты. У самого Жюль Верна романы кажутся вариантами одной и той же темы.

Романы Жюль Верна созданы в эпоху веры в технику, в технику, все решавшую.

Романы Жюль Верна созданы в демократической Франции.

Капитан Немо помогает национальной революции в Греции, герои «Танисвен-

ного острова» называют свой остров именем Линкольна.

Потом эти же герои создавали остров Утопия. На этом острове при помощи бриллиантов капитан Немо должен был разрешиться все социальные противоречия.

Демократический Жюль Верна все же отнесителен.

В романе «Страна мехов» он говорит, что при борьбе старого гиганта с семилетней гидрой победителем был бы гигант.

На «Наутилусе» думает один капитан Немо.

Думать в романе Жюль Верна всегда должен один, правда, при консультации добродушного ученого.

Иа спутников капитана Гетераса поминать только доктора Клаубонина.

Герой Жюль Верна старушка, потому что не у всех героев есть голубы.

У героев есть слуги, происходящие от модьеровских слуг.

Слуга Консель сам не видит, у него нет собственных интересов, он даже не голосует за свое освобождение при споре профессора о китобоем на борту «Наутилуса».

Консель не видит мира, он только классифицирует.

Правда, у Паспару в романе «В 80 дней вокруг света» есть своя трагедия: он торпедится домой, потому что дома забыл потушить газ, и счет его растет.

И все же романы Стювенсона, романы Жюль Верна, Майн-Рида и даже Бусеяна созданы были на основе реальности своего времени, созданы были для того, чтобы доставить до читателя то, что водно-вало авторов.

Чисто технический роман невозможен и ненужен.

Романы Уэллса — это противотехнические романы. Герой не знает техники Герой не понимает ее. Только случайно он оказывается владельцем тайны или изобретения.

Мир проходит непонятным.

Машины враждебны, как враждебен Невидимка.

Ум Уэллса напуган. Романист готов посылать землю битым стеклом для того,

чтобы босые ноги изобретателей были изрезаны, для того, чтобы изобретатели не ускорили гибель мира своими своими достижениями.

Жюль Верн весел, он увлеченная на машины, которые изобретены, и думает, что эти машины создадут комфорт добродетельному буржуа и храброму офицеру.

Для Уэллса ясно: культура ушла из рук людей того класса, которому он принадлежит, она враждебна, непонятна, непредставима, это — машина времени, тупая в непонятное завтра.

Уэллс пародирует технический роман, делая его трагическим.

II

Давно стали найвными те изобретения, которые возмел Жюль Верн.

Чугунные пушки, паровые машины, передвижающиеся на четырех ногах и привораживаемые словами, воздушные шары, подгораемые жаровней, полирные суда, построены из дуба.

Фантастический мир Жюль Верна не имел не только радио, но даже телефона. В нем нет автомобилей, и все же этот мир жив для наших детей.

Наша дети присылают письма в «Пионерскую правду» с вопросом о том, почему мы заманиваем капитана Гетераса, почему мы описываем полосу не так, как он описан в путешествиях этого героя.

Дети постарше восстанавливают старую традицию.

В старину писали книги на тему — разговоры героев.

Дети предлагают написать разговор Панагина с капитаном Гетерасом.

Жалко, что не состоялся этот разговор, он был бы полезен для детской нашей литературы, был бы полезен и для писателя, которые должны создавать и создавать советский научно-фантастический роман.

III

Жюль Верн в романе «Страна мехов» не представлял себе большого ужаса, чем мысль о льдине, на которой люди по ошибке построили дом. Та льдина была так велика, что на ней вырос лес и были озера.

Землетрясение оторвало льдину, и она поплыла на юг.

Льдина враждебна, запад и восток меняли свои места, ямы на острове стали бездонными, деревья

Театр-Кино-Музыка-Живопись

ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ АРТИСТКА РЕСПУБЛИКИ

Средневековая мрачная багня. Иоанна Д'Арк, Орлеанская воеводича-дева, привола к стене. Она в плену у врагов. Там, на мшистых стенах, кипит сражение. Там решается судьба родины: быть ли ей свободной или стоять под железной пятой угнетателей-завоевателей и собственных изменников и предателей. Иоанна изнывает в безысходной тоске, ее сердце истекает кровью. Она уже слышит лягушачьи крики врагов. Она бесстрашно поднимает свое знамя и повелит, как бывало, народные полки к победе. На ее руках предательские цепи. Еше миг, и все будет кончено: родина падет, порабощена в сердце. Уже доносится алое ликование врага.

В неудержимом порыве Иоанна устремляется на помощь защитникам родины. В ее глазах огонь любви к родине и пламя ненависти к врагам. Она вся—воля к победе. Для этой воли нет преград. Мгновенье—равнозначна цепи, и она ринулась в бой.

Вперед, моя бесстрашная, вперед! Иоанна бивает!

В освободительный подвиг Иоанна Ермолова вкладывала подлинную глубину чувства, правду душевной чистоты, горячую любовь к страдающему народу, великий гнев к его поработителям.

В утверждении трагического героя Иоанна Ермолова встала основная задача своего служения искусству.

С первой роли, исполненной 17-летней Ермоловой в «Эмилии Галотти» (1870) до «Иванов» (1903 г.) и «Ричарда III», игравшего в советское время, звучит ермоловская героическая симфония потрясания сердца.

«Ермолова в театре как бы несла звание освобожденной,—она была постоном свободы на русской сцене»—эти слова В. И. Немирович-Данченко повторит всякий, кому выпало счастье видеть Ермолову на сцене.

В. И. Немирович-Данченко, автор многих пьес, в которых играла Ермолова, следил за ее творчеством.

К 10-летию со дня смерти Марии Николаевны Ермоловой

Великому трагическому дарованию Ермоловой было тесно в рамках бытописательского драматургии прошлого столетия, и она встала на простор мировой поэзии. В репертуаре Ермоловой было 16 ролей Шекспира, 5 ролей Шиллера, 4 Лопе-де Вега, далее следовали Расин, Кальдерон, Лессинг, Гете, Гюго, Гюккен, Ибсен, Бьернсон, Теннисон, Пушкин, А. Толстой, Островский (25 ролей), Тургенев, Писемский и другие.

«Отечий источник» Лопе-де Вега, «Эмилия Галотти», «Урзель Акоста» Гюккова впервые появились на русской сцене в бенефисе Ермоловой.

В трагическом творчестве Ермоловой было заключено высокое утверждение жизни, оно было все проникнуто глубокой верой в человека: его будущее видилось Ермоловой в свободе и правде, в полноте и красоте бытия.

Вот почему так значительная оказалась для Ермоловой встреча с А. М. Горьким.

Горький был дорог Ермоловой как писатель, высоко возносящий над жизнью животоворящую мечту о прекрасном будущем человека и человечества. Эта мечта, — так

верила и исполняла в своем творчестве Ермолова,—укрепляет и облагораживает в человеке его героическую волю к борьбе за новую жизнь и свободу.

Когда в 1870 году на сцене Малого театра явилась впервые Ермолова, казалось, на сцене вновь явился Мочалов с его пламенным темпераментом, с его покоряющим вдохновением, с его неограниченной властью над зрителем. Вечера, когда играла Ермолова, как в те мочаловские вечера, которые так замечательно описаны Великим, зрительный зал бывал охвачен высоким волнением.

А. И. Герцен когда-то сказал, что Мочалов был «человек порыва, не приведенного в покорность и строй вдохновения». Ермолова была человеком вдохновения, приведенного искусством в покорность и мастерство в стройности. В этом она была наследницей и ученицей Щепкина. «Работая с Ермоловой», говорил А. И. Южин, «в течение 40 лет, я не могу иначе назвать ее работу, как работой подвижницы».

Полувековой сценической путь Ермоловой назвал свое высокое признание в тот день, когда Ермолова—первая из актеров нашей страны—получила почетное звание «народной артистки республики».

Актеры! Взгляните, как время молодо, Пылают знамена, и нет им числа, Да где ж она, новая наша Ермолова, Которая вышла в всех потрясения!

Так вызывает старый актер, заслуженный артист республики, в пьесе Гусева «Славя». Зрители неизменно и горячо рукоплещут этим словам не только в Малом театре, где играла Ермолова, но всюду, во всех театрах, где эти слова произносятся.

Имя Ермоловой дорого и близко нашему народу.

С. НИКОЛАЕВ.

ОПЕРА «КОЛА БРЮНЬОН»

Новая постановка Ленинградского Малого оперного театра

Опера «Кола Брюньон» (музыка Д. Кабалевского, либретто В. Брагина) представляет собой вариант знаменитого одноименного романа Романа Роллана.

В чем отличие романа от оперы «Кола Брюньон»? В опере действие перенесено на 20—25 лет назад. Сюжетом оперы послужили взаимоотношения молодого Кола и герцога де Невера. Действие разворачивается на фоне непрекращающихся крестьянских восстаний (1593—1595 гг.).

Кола Брюньон обрисован в опере в соответствии с образом, созданным Ролланом.

«Кола для меня тип «галла», добродушного, насмешливого и смелливого. Пути на него относятся все неприятности и удары судьбы, он смеется от всей души», — так характеризует его Роман Роллан. «Не сделайте Кола слишком серьезным Кола без смеха — не будет Кола! В остальном — сартр blanche. Летите на собственных крыльях», — пишет он либреттисту.

Либреттист и композитор последовали этому совету великого писателя.

Либретто оперы раскрывает судьбу Брюньона, как самобытного художника и поэта.

Трагедия Кола — трагедия таланта, вынужденного работать и творить в классе воле общества, трагедия артиста, завясащего от мещената.

В лице герцога де Невера мы узнаем властного вельможу мещената — одного из тех покровителей искусства эпохи ренессанса, которые содержали Леонардо да Винчи и Рафаэля. Его сущность вскрыта ваятели, когда он заговорил переход Брюньона на сторону восставших жителей Кларенса с бесчеловечной жестокостью подвиги художника, утонченной пытки: сжигает и уничтожает его произведения. По своему трагическому пафосу эпизод жуткой расправы герцога с творениями Кола — одно из сильнейших мест в опере.

Образ герцога и Гамби — удалый либреттист. Имя Гамби только упоминается у Роллана. В образе Гамби мы можем узнать одного из потомков жакерийцев, описанных Мериме.

Роман Роллан писал по поводу этого образа либреттиста: «Я признаю также за вами право символизировать действия в целом ряде образов, в частности вывести из заднего плана этого доброго парня Гамби, который не жал такого счастья».

К недостаткам драматургии спектакля следует отнести ряд нужных деталей, упущенных в сторону: например, появление безумной женщины, в 5-й картине, могильщик, перевозящего на своей тележке героя (картина 4-я).

Все же либретто Брагина обнаруживает изобретательность, значительный вкус и чувство способности драматурга, чувствующего тонкости, для которых он использовал французский песенный фольклор XVI века.

Яркая и свежая музыка волнует своим драматизмом и лиричностью. В ней много бодрости и жизнерадостности. В меньшей степени удалось композитору выразить специфику романовского юмор у Кабалевского, за редкими исключениями переведен в план добродушного усмешки, а иногда звучит даже риторично (3-я картина). Ближе всего к Роллану музыка Кабалевского там, где отсылается на французскую народную песню и танец, композитор находит смелые яркие штрихи для выражения волевого, насмешливого «галльского» духа.

Аромат французской песни в лирике, задуманная простота народных интонаций, трюверов, этих бродячих певцов, пластичность мелодий, воскрешающих границу и название французских бергерет, игра Кола на фляголетте, старинном народном инструменте, все это придает музыкальному языку оперы очарование.

Наиболее удалась композитору блестящая увертюра, галка по ритмике, задорных бойких мелодий народного склада, мечтательно-романтический лейтмотив, выходящий — тоска, запоздалая жизнь, лирическая аркадия Селины — стилизация, робкая, затененно-страстная мечта о любви (1-я картина), бравурная ария Брюньона о своем труде (написанная в манере итальянской арии буффо) — песни грубоватого энергичного деревенского парня, знающего себе цену и не без чувства собственного достоинства заступающегося своим способностям перед знатным вельможей: прелестная по своему наивному простодушию и искренности баллада Селины о трусовом рыцаре, сопровождаемая

Артист А. Модестов в роли Кола Брюньона Рис. А. Костомоловского

пантомимой и хором (2-я картина); и, наконец, застольная песня Брюньона в 3-й картине, в основу которой либреттист повидному, подождал рассказ старинного сказочника XVI века, создателя «Джека из Ньюберга» Делона.

За Провансом, за Гароной Есть харчевня «Лисий хвост» На дорогу дверь открыта, Дверь открыта день и ночь.

Пошла глубокою трагизма музыка 4-й картины, в которой оставленный всеми, зараженный чумой, Кола встречает смерть. Удительно звучат массовые сцены: зорлорит хор лангснхтов, выразительно инструментованный в несколько гротеском батальном плане (милитарный «шафля» типа мейерберовских опер, чуть-чуть преувеличенный); замечательная гневная песня восставших класийцев.

Несколько выдает из романовского плана характеристика Брюньона ария Кола в 3-й картине. В этой музыке слишком много пессимизма, мрачного отчаяния и боли.

В музыкальной характеристике также, выполненной несколько эскизно, также слишком мало буржуазной жизнерадостности и веселости и слишком много тоски и надрыва. Что стоит все это возгласить: «Но печаль мой смех без тебя и душа», или «Слушен лев, ночь длинна, жизнь белая, как зима».

Общим композиционным недостатком оперы Кабалевского является ее излишняя перегруженность инструментальными звучаниями. Композитор избегает оставаться в пределах струнного оркестра и предпочитает все время вводить большие массы струнных, злоупотребляя также ударной группой. Музыка Кабалевского является в этом смысле более прескучей и проломанной, чем это следовало бы.

В постановке оперы (автор оперы артист республики И. Ю. Шпеллинг, художник Ю. П. Мещеряков) не достигнута цельность и единство стиля. Декорации выглядят как всевозможный авариальный ландшафт для детского балета (1-я картина), то как плохие иллюстрации к «Гильо Уденшигелле», или исторической хронике. Что это за плакат, изображающий юмшю и девушку с ружьями наперевес, висит в качестве занавеса к 5-й картине?

Удался режиссеру массовые сцены в 1-й и 2-й картинах, а также интересные в своей мизансцене для главных персонажей. В постановке нет верного ощущения XVI века и романского, полного силы и здоровья галльского духа героев романа Роллана. Постановка мрачна. На протяжении шести картин буржуазное солнце мы видим только в двух (1-й и 3-й). В последних трех картинах оперы (4-й, 5-й и 6-й) царит унылый сумрак.

Среди исполнителей отметим артиста Модестова, замечательно исполняющего партию Брюньона. Выразительно ведут свои роли Гетт (Гамби), Вельтер (Селина). Особо следует отметить тщательную, вдумчивую работу, проделанную дирижером — заслуженным артистом Б. В. Хайкинским.

Постановка «Кола Брюньона» Ленинградским Малым оперным театром — выходящее событие. Создан подлинно волнующий, творческий советский оперный спектакль.

А. ОСТРЕЦОВ

ВЫСТАВКА ЖЕНСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

8 марта «Воскохудожником» открыта в Москве первая выставка женского художественного творчества.

Выставка свидетельствует о наличии у нас большого отряда талантливых художниц и скульпторов «Воскохудожниц» однако не оказывает им сколько-нибудь организованной помощи. Отсутствие поддержки и необходимой материальной базы отразилось и на данной выставке — она пестра и носит случайный характер.

Все же выставка в целом оставляет впечатление свежести и непосредственности. На ней следует выделять работы молодой художницы Вилькович. Это зрелый мастер, которому пора переходить от этюда к картине. Особенно хороша у нее акварель «Мальчик в испанской шапочке» и этюд «У мясной туши».

Художница с превосходным глазом — тов. Маленка. Ее картина «Дети колхозной Киргизии» — очень выразительная. Хороши — этюд Яновской «Слушайте доклад и жизнедеятельности, светлый, превосходный по живописи натюрморт Кашиной.

Большое место на выставке занимают акварели. Из художниц-акварелисток нужно отметить гг. Петрову, Шабад, Миронову и Попову. Прекрасный орфор у Строгановой «Волга и Старополь».

На выставке представлена также модель скульптуры Мухомовой для советского павильона на Международной выставке в Париже.

Нелюбимые вызывают две скульптуры Каменской «Ложась» и «Олень». Скульптуры сделаны из кусочков жести, оплетенных проволокой. Это давно скопированный формалистический эксперимент, и непонятно, почему жюри выставки приняло эти работы и выставило их как достижения в области скульптуры.

Союз художников «Воскохудожников» и Комитет по делам искусств должны уделять серьезное внимание женскому художественному творчеству и создать благоприятные условия для его развития.

Художник Б. ИОГАНСОН.

ФИЛЬМ О ПАПАНИЦАХ

Московская и ленинградская студии «Союзкинохроник» готовят к торжественной встрече папанинцев.

Семки будут проводиться в Кронштадте и по всему пути следования «Брмака» в Ленинградский порт. В Ленинградском порту, где произойдет торжественный митинг, установлена звукоусиливающая аппаратура. Вся аэсиация в этот день пленка будет доставлена самолетом в Москву и войдет в экстренный выпуск «Союзкинохроник».

Группа операторов будет сопровождать папанинцев по пути следования из Ленинграда в Москву. Полностью будет запечатлена на пленку торжественная встреча папанинцев в столице.

Кадры этих экстренных выпусков войдут в большую звуковую художественный документальный фильм о героической жизни и работе папанинцев на дрейфующей льдине. Операторы Славин и Симонов — участники экспедиции на «Таймыр» и «Мурман» застряли весь путь от дрейфующей льдины.

И. Папанин передал оператору Троиновскому для включения в фильм 300 метров заснятой папанинцами пленки, на которой зафиксированы моменты из жизни, быта и работы дрейфующей станции.

Над фильмом работают заслуженный деятель искусств режиссер Я. Посельский и сорежиссер — Ирина Венжер. Операторы — гг. Я. Славин, Г. Симонов и М. Троиновский.

ПОДГОТОВКА К 40-ЛЕТИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА

Московский орден Ленина Художественный Академический театр СССР им. Горького усиленно готовится к своему 40-летию, которое исполняется в октябре этого года. Театр готовит к юбилейной дате две постановки — бессмертную комедию Грибоедова «Горе от ума» и пьесу А. М. Горького «Достигаев и другие».

Премьера спектакля «Горе от ума» будет показана 25 октября, а премьера «Достигаев и другие» — 26 октября.

Кроме того, заслуженный деятель искусств В. Г. Сахновский работает над постановкой пьесы Л. Леонова «Половчанские сады», которая будет показана в конце года. Народный артист СССР К. С. Станиславский и заслуженный артист РСФСР М. Н. Кедров ведут экспериментальную работу над комедией Мольера «Тартюф». Одной из основных задач Художественного театра сейчас является пополнение своего репертуара пьесами советских драматургов. Драматург А. Каллер пишет для театра пьесу о В. И. Ленине, действие которой происходит в 1918 году. Вс. Иванов пишет пьесу о Москве, Н. Вирта — на колхозную тему.

ОПЕРА «ПЕТР I»

Композитор И. П. Шинор работает над созданием оперы «Петр I», либретто которой написано В. Н. Лавровым. В этом произведении авторы стремятся отобразить Петра как энергичного строителя национального русского государства, выходящего государственного деятеля, много сделавшего для экономического, политического и культурного развития России. Действие оперы разворачивается с 1707 по 1719 год — в период наиболее напряженной борьбы Петра с внутренними и внешними врагами родины.

Главными действующими лицами оперы являются Петр и его сын Алексей. Большое место в опере авторы отводят народу — крестьянам, работным людям.

Первые картины оперы будут готовы весной, а всю оперу авторы предполагают в основном закончить в конце этого года.

СЦЕНАРИСТ И РЕЖИССЕР

ЛЕНИНГРАД (Наш корр.). В Ленфильме состоялось выездное заседание ленинградского союза писателей. На совещании обсуждались вопросы привлечения писателей к работе в кино. В процессе этого обсуждения было поднято много принципиальных и творчески-производственных вопросов.

Практику творческих союзований писателей и кинематографистов решено продолжать и в дальнейшем. Сценарий для Ленфильма на 1938 и 1939 годы будет рассмотрен совместно с сценаристами ленинградской организации союза писателей.

С. ДУРЫЛИН.

«Господин де Пурсоньяк»

Мольер на сцене Театра сатиры

Господин де Пурсоньяк, дворянин из Лиможа, приезжает в столицу. Господин де Пурсоньяк намерен жениться на парижанке Юлии. Но Юлия совсем не хочет выходить замуж за надутого провинциального дворянина. На по мощь ей и ее возлюбленному приходит прокуренный слуга Сорбиган. Смесившись с Юлией, он объясняет в мимолетстве и привлекает к суду. Несчастней провинциал передается в дамское платье и без оглядки бежит из Парижа.

Таков сюжет комедии-балета Мольера. Не правда ли, сюжет невысказанный? А зритель Театра сатиры так же, как французский зритель XVII века, захвачен, очарован, ошеломлен лукавой галльской веселостью, легкостью и изяществом этой, казалось бы, второстепенной комедии Мольера.

Но «Господин де Пурсоньяк» не просто безделушка. В наивном почти прозрачном фарсе поблескивает тонкое жало сатиры. Адвокатские скамьи, подкуленные стражники и особенно шарлатаны-врачи, — все эти маленькие властители парижан XVII века грабительно осмеяны Мольером.

К сожалению, постановщик спектакля решил похвалить Мольера и выступил как соавтор. Мы имеем здесь в виду не вновь сочиненные куплеты и интермедии или выписки отдельных сцен. Такие операции уместны и даже необходимы в пьесе, написанной по мотивам comedia dell'arte.

Но почему вдруг ограничился и безобидный Оронт начинать вести себя как Гартпан и даже произносить его слова? Или Оронт попадает в положение Валера из того же «Скупого»? Эти вставки отнюдь не углубляют комедию, они просто лишают ее ясности и делают расплывчатой. Вряд ли нужно доказывать, что Мольер достаточно глубок и не нуждается в наших поправках.

Но, потерпев неудачу как соавтор, Горчаков берет реванш как постановщик. В этом ему помогли чудесные актеры Театра сатиры. Глядя, как Корф или Кара-Дмитриев играют Мольера, прямо чувствуешь — почему театр не ставил Мольера до сих пор?

На забавной серой кобыле везает Корф — Пурсоньяк в Париж. Разодетый в парчу и кружева, со шагой на боку и оплываю на глупой голове, Пурсоньяк восхитен встречей, которую устраивает ему Сорбиган. С огромным чувством комического изображает Корф самодовольного и умиленного болвана.

Или другая сцена. Пурсоньяк окружен детьми, которые называют его папочкой. Тупое лицо Пурсоньяка искривлено кислой гримасой, он ничего не понимает, он возмущен. Слова восхищаются искусством актера, смеющегося понять и тонко передать замысел Мольера. А как великолепно ведет себя передетый в дамское платье Корф —

Артист Р. Корф в роли Пурсоньяка. Рис. Э. Мордмиллиной

Пурсоньяк, когда стражники застрелили с ним.

Роль палутового слуги неаполитанца Сорбиган играет Кара-Дмитриев. Московский зритель знает Кара-Дмитриева, весельчачика и музыканта, мастера на все руки. И роль Сорбиган как будто специально соалана для него. Кара-Дмитриев превосходно дружит Пурсоньяка, забавно ругается с Нериной, блестяще перевоплощается в куцую-коротышку. Перед нами виртуозный образ плута мольеровского театра.

Очень мягко и с умором играет Оронт новый для театра артист Ленко. Велена только Зверева в роли Юлии. Зато партнер ее Холодов легко и приятно ведет турую роль любовника.

Весь ансамбль занятых в спектакле актеров весело, с хорошим пониманием формы Мольера, развращает причудливую галерею парижан XVII века.

В этом, конечно, немалая заслуга постановщика Горчакова. Его роль скакала прежде всего в интермедиях. Мольер заимствовал свои интермедии из фарсов и итальянской комедии dell'arte. Театр написал их сам, написал с большим вкусом и юмором.

Среди этих танцующих и поющих особенно хороша пляска детей вокруг Пурсоньяка и господин Пурсоньяк на виллетте. Эти вставки целиком в стиле старого французского фарса и вместе с тем они очень современны и остры.

Художник Штоффер искусно изобразил Париж XVII века на яркой сцене Театра сатиры. Четкие комические маски, парикованные им над сценой, как бы определяют весь дух спектакля. Карнавальные красочные представления удачно дополняет праздничная музыка Оранского.

«Господин де Пурсоньяк» — не просто удача. Этот спектакль раскрывает перед театром новые перспективы.

А. ШТЕЙН.

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Н. ХМЕЛЕВ

— Хмелев! У вас не так идут руки, вы совершенно не ощущаете музыку, не чувствуете ритма!—говорил весной 1920 года К. С. Станиславский ученику пригтовительного класса театральной школы на репетиции «Сказки об Иване-дураке» во 2-й студии Художественного театра.

Роль, которую репетировал тогда Николай Павлович Хмелев, была не только «без ноточки», как говорят актеры, но и без словечка. Изображая придворного Тьму-Тараканского царства, он должен был молча проползти через сцену, с другими воинами поплотить Семена-воина. Актер, не чувствующий ритма! Актер, не ощущающий музыки! Какой же это актер?

Самое простое было бы «снять» этого вьющую «роль» и предложить ему отправиться обратно в родное Сорново, откуда пришел сын рабочего Хмелев во 2-ю студию.

Но знаменитый режиссер, присматриваясь к неуклюжему ученику, упорно повторял:

— Начните сначала!

Хмелев снова начинал ползти и снова слышал приказание: «Начните сначала!»

«На меня,—вспоминает Хмелев,— Константин Сергеевич потратил почти все время, предназначенное для общей репетиции. Все ждали, а и пыжили, в поте лица добывая себе звание актера. Но я понял многое. Понял, что такое ритм, что такое сцена, характерность. Понял, что я делаю и для чего делаю. Вдруг ощутил себя на сцене уверенно. Стало радостно и легко».

шение с Достоевским, Л. Толстым, Горьким. Для него Каренин — не только образ созданный Толстым, но и мысль Толстого воплощенная в образ. Хмелев необыкновенно чутко чувствует творческий почерк Толстого и Достоевского: переводил их речь на язык другого искусства, он никогда не прибегает к «краскам чудным».

«Не представлять, а передавать прежде мысли, позабывши странности и особенности человека».

Это требование Гоголя Хмелев считает ваконом для себя.

Первое решающее признание, как актер Хмелев получил, сыграв в 1926 г. Силана в «Горячем сердце».

Второстепенный образ старика-дворянина в захолустном купеческом доме исполнен у Хмелева с необыкновенной жизненностью.

Хмелев часто вспоминает слова Стани славского: «Вы будете хорошо играть только тогда, когда добьетесь внутренней и внешней свободы».

И Хмелев комментирует эти слова: «Эта свобода, глубочайшая жизнь в образе, эта реалистическая правда и пока вызывают подлинное мастерство актера».

Хмелев в роли Силана и дал образам глубокого живявания в воплощаемый сценический образ, овладев всей житейской поступью Силана, всем бытовым его «свечам-обычаем».

После дворянина Силана Хмелев играет роль белогорельца Алексея Турбина, мелкобуржуазного и глупого «князя» из «Дядюшкин сон», а затем, на одного прокурора из «Врагов» Горького, типичного представителя, но слабого умом паря Фелора, сухого Каренина, кулака Старожова («Земля» Вирта).

Артист Н. Хмелев.

Какая неожиданная смена противоположных характеров, контрастных исторических фигур, взаимно чуждых социальных особей! Если к этой галлее образов добавить дряхлого лакея Фирса из «Вишне-

чи то новое, чего не выносили другие встречавшиеся с этим человеком.

Когда Хмелев выступил в «Царе Федоре», между ним и зрителем стоял классический образ Фелора, созданный на тех же подмостках И. М. Москвинским. Но Хмелев заставил нас встретиться с совсем новым Фелором.

Исполняя роль Фелора, Хмелев осветил ее своей мыслью, — мыслью современной нашей великой эпохи.

Трагедия царя Фелора — по Хмелеву — не в его безволии, не в роковом ходе борьбы его «сердца» с «умом» Годунова и «волей» Шуйского. Трагедия царя Фелора в том, что он желает мыслить и жить вне истории. Жизнь — для Фелора — только частное дело, только добро и зло вот в этом человеке (Годунове, Шуйском, Петре, Иване), а не в людях, не в обществе, не в государстве, не в истории. Слепой и глухой на цвет и шум истории, Федор терпит неизбежную катастрофу в своих «таряных свести вопиющие противоречия политическая борьбы к вопросу о «добром» и «злом» человеке».

Финал трагедии звучит у Хмелева подлинно трагически. Царь остается один на таперти собора — один с нищими и калеками. Сам — нищий государственной мыслью, он сознает свою вину:

Моею виной случилось все! Не собствен

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Про Сережу

Я пришел в Гослитиздат,
Стал усат и бородач,
Потому что длинный волос,
Потому что сильный голос,
Потому что для ребят!

Раньше был Сережей просто,
Даже маленького роста.
А теперь — до облаков,
Потому что — Ми-хал-ков!

Дети любят красоту,
Дети любят высоту,
Я на радость всем ребятам
Завыблю, что расту!

Скоро буду я длиней,
Чем известный всем Корней,
Потому что он Чуховский,
Потому что я смешней.

Что касается Барто,
То она совсем не то.
Мне давно уже по пояс
Этой женщины пальто.

Мне почет всего дороже,
Я гуляю по Тверской.
Ото ребят кричат: Сережа!
Десять женщин: Кто таковой?

Я, ребята, протестую —
Мно кричали раз гуртом:
— Прочитай про щель алату,
Что висит на дубе том!!!

— Всем спасибо за почет,
Это Пушкин вам прочтет!

Я пишу ребятам книжки.
Их сорут, как лепешки.
Все девочки, все мальчишки.
Все мамаша, все отцы.

Триста старых сторожей
Из различных гаражей,
Все, кто ходят в зал Колонный,
Все ребята с Малой Бронной,

Два котенка,
Два щенка,
Три веселых поросенка,
Знает каждый, кто таков
Сверхписатель Михалков.

Отойдите от меня.
Я сейчас напишу что-нибудь совершенно
замечательное!

А. РАСКИН,
М. СЛОБОДСКОЙ.

«Свисток»

Сергея Швецова

Перед нами книжка сатирических стихотворений
Сергея Швецова «Свисток». Под
слабым дореволюционным лозунгом
пытается возродить жанр литературной са-
тыры и в некоторых случаях добивается
вполне успешных результатов.

Швецов владеет равными жанрами, в его
книге представлены образцы фельетона,
басни, пародии, эпиграммы. Швецов вла-
деет разнообразными темами: он берет по
литературным гостролям, оторванным от
действительности советской жизни, по упре-
щениям и вульгаризациям, искажающим
великие идеи, по поэтическим недорослям
и переросткам, по фанфаронам и раздува-
телям своей микрокосмической славы —
одним словом, многие недостатки нашего
литературного быта находят свое отраже-
ние в его книжке.

И нужно отдать справедливость, Швецов
умеет обобщить тему. Он изобретает формы,
проявляя при этом выдумку, чувство стиля,
известную культуру стиха.

Несколько примеров. Поэт Иван Молчанов
поэтически обращается к своим одио-
сельчанам с информацией о том, что, деска-
ть, он, бывший пастушок, сделался
известным пролетарским поэтом. Швецов
от имени этих самых одиосельчан отве-
чает ему, что, дескадь, одиосельчане ни-
сколько не в восторге от творческого рас-
цвета своего «знаменитого» земляка.

Нам невдомек, куда, родной, ты гнешь! —
Скнужлив, соком, как там ни бабайка,
То в косах девичьих вдруг прятаться
начнешь,

То обернешься облаком — собакой.
Конечно, ты про девок петь горазд,
И на свиданья не жалешь потеч,
Но «хорошо» в четырнадцать раз
Уж так-таки хорошо на двадцать восемь
строчек?

О наркомпросовских загнбичках, отрав-
лявших школьную атмосферу своим пе-
дантством, Швецов пишет, вкладывая им в
уста следующую тираду:

Грибоедов — примиренец,
Гончаров — приспосабливец,
Гоголь — рупор мистицизма,
Салтыков — продукт паразита,
Глеб Успенский, Помяловский,
Короленко, Блок, Островский,
Сервильети, шовинисты,
Символисты, монархисты,
Нужно Чехову А. П.
Почувствуйся в ИКП!

В этих стихах, а также и во многих дру-
гих, Швецов доходит до остроты и метко-
сти настоящего памфлета.

Менее удачна пародийная часть. Возмо-
жно, что тут порочность не столько в каче-
стве пародии, сколько в объекте их. Паро-
дия может быть удачна только в том слу-
чае, если она берет поэта яркой индивиду-
альности, применяя его художественные
приемы. На бледного поэта и пародия бу-
дет бледна и невыразительна. «Какова
рыбка, такова и уха» — гласит украин-
ская поговорка. Это все, что можно ска-
зать о пародиях Швецова на таких поэтов,
как Долматовский, Панченко и др.

В заключение один существенный упрек
не только автору, но и редактору книги,
да и всему издательству «Советский писа-
тель».

По календарным данным книга была
сдана в набор 13 июля, подписана в печа-
ти 3 декабря 1937 г., вышла в свет в мар-
те месяце 1938 г. Часть материала отошла,
часть актуальна до сего времени, но нельзя
не отметить того, что ни одно из событий
нашей литературной жизни первой полови-
ны 1937 г. в книге не отражено. Поэт-сати-
рик не должен себя обманывать, упуская
такие темы, как борьба с формализмом,
агрессия против писателей, разоблачение
Кирпичова и т. д.

Неповоротливость нашей издательской
машинки, отставание нашей сатиры от
актуальных тем, — вот то, о чем стоит по-
говорить, и очень серьезно.

АРГО

Сергей Швецов. «Свисток». Изд. «Совет-
ский писатель», 1938 г. Тираж 5 тыс. экз.,
цена 2 р. 50 к.

ПЕРЕВОД «ИНТЕРНАЦИОНАЛА» НА ХАНТЭЙСКИЙ ЯЗЫК

Ханты (остяки) до революции не имели
своей письменности. Среди них не было ни
одного грамотного человека.
Теперь ханты получили национальный
алфавит. Из среды хантэйского народа
вышли талантливые поэты-самоучки, не
мало уже сделавшие для развития нацио-
нальной поэзии. К двадцатилетию Великой
Октябрьской социалистической революции
поэт Григорий (Киркур) Жааверев перевел
на хантэйский язык международный гимн
пролетариата «Интернационал». К сожа-
лению, текст его до сих пор не напечатан и
распространяется устным путем.

Окружная газета «Остяко-Вогульская
правда» издает литературно-художествен-
ный сборник на трех языках: хантэйском
(остякском), мансийском (вогульском) и рус-
ском.

В сборник включено 16 произведений,
написанных молодыми хантэ-мансийскими
и русскими писателями и поэтами.

Из богатого национального народного
творчества помещены 2 песни: мансий-
ская — в смерти Сергея Мироновича
Кирова и хантэйская — о великом Октябре
и послеоктябрьской жизни хантэйского
народа.

Фотоальбом о М. Горьком

К 70-летию со дня рождения великого
русского пролетарского писателя А. М.
Горького выпущен альбом снимков о жи-
зни Алексея Максимовича.

Умело и любовно подобранные фотогра-
фии, многие из которых представляют
большую историческую ценность, отлич-
но иллюстрируют жизненный путь Горького.

Начинается фотосерия снимками дома
В. Калпирина, Кунавинского народного
училища.

«Я с детства видел бессмысленную
жестокость и непонятную мне вражду
людей, был поражен тяжестью труда
одних и животным благополучием дру-
гих» — писал М. Горький. Снимки запе-
чатлевают казавшиеся труппой, булочную
Деренкова, где Алексей Максимович про-
ходил свои «университеты».

Следующая страница альбома — «Дело
об аресте А. М. Пешкова в 1889 году».

С этого листа начинается замечательная
жизнь великого писателя-революционера.
Лист газеты «Кавказ». В субботу, 12 сеп-
тября 1892 года, был напечатан первый
рассказ Горького «Макар Чудра».

Подробно, на 53 листах, повествуется аль-
бом о гигантском труде Горького — беллет-
ристики и публициста.

Альбом составлен по материалам Литературного
музея и выпущен Союзфото-
хроникой.

БИОГРАФИЯ А. М. ГОРЬКОГО

ЛЕНИНГРАД (наш корр.). В Ленинград-
издате выходит новое издание биографии
А. М. Горького, написанной Ильяй Груд-
левым. Новое издание просмотрено и до-
полнено главой, рассказывающей о работе
А. М. Горького над четвертой частью «Кли-
ма Самгина» и о последних годах жизни
великого русского писателя.

И. Грудлев сдал издательству первый
том монографии «Горький и его время».
Этот том охватывает период от рождения
А. М. Горького до 90-х годов.

Вечер А. Первенцева в ЦДКА

Встреча А. Первенцева с командирами,
курсантами военных училищ и членами их
семей, проведенная в ЦДКА, вылилась в
дружескую беседу писателя с читателями.
А. Первенцев рассказал о своей работе над
книгой «Кочубей».

«Языковые факты» М. А. Рыбниковой

Рыбниковой, нашел все-таки выход из по-
ложения: «Пушкин, имея дар творческого
перевосхождения в сознание различных эпох
и наций, кажется, наиболее материально
ощущал себя то греком, то римлянином».

«Каждое слово придумано — на счет «ре-
волюционная в сознание!»

«Но это ведь только «введенные в стили-
стику». А вот и сама стилистика:

«Именно он (Пушкин) поднимает на вы-
сокий ступень образы античные и частично
образы библейские».

Точность, достойная похвалы! Античные
образы Пушкин «поднимает на высокую сту-
пень» целиком, а библейские — «частично».
Можно представить себе, сколько Рыбни-
ковой донельзя покоряет над Пушкиным,
чтобы установить эти высоко-научные фак-
ты!

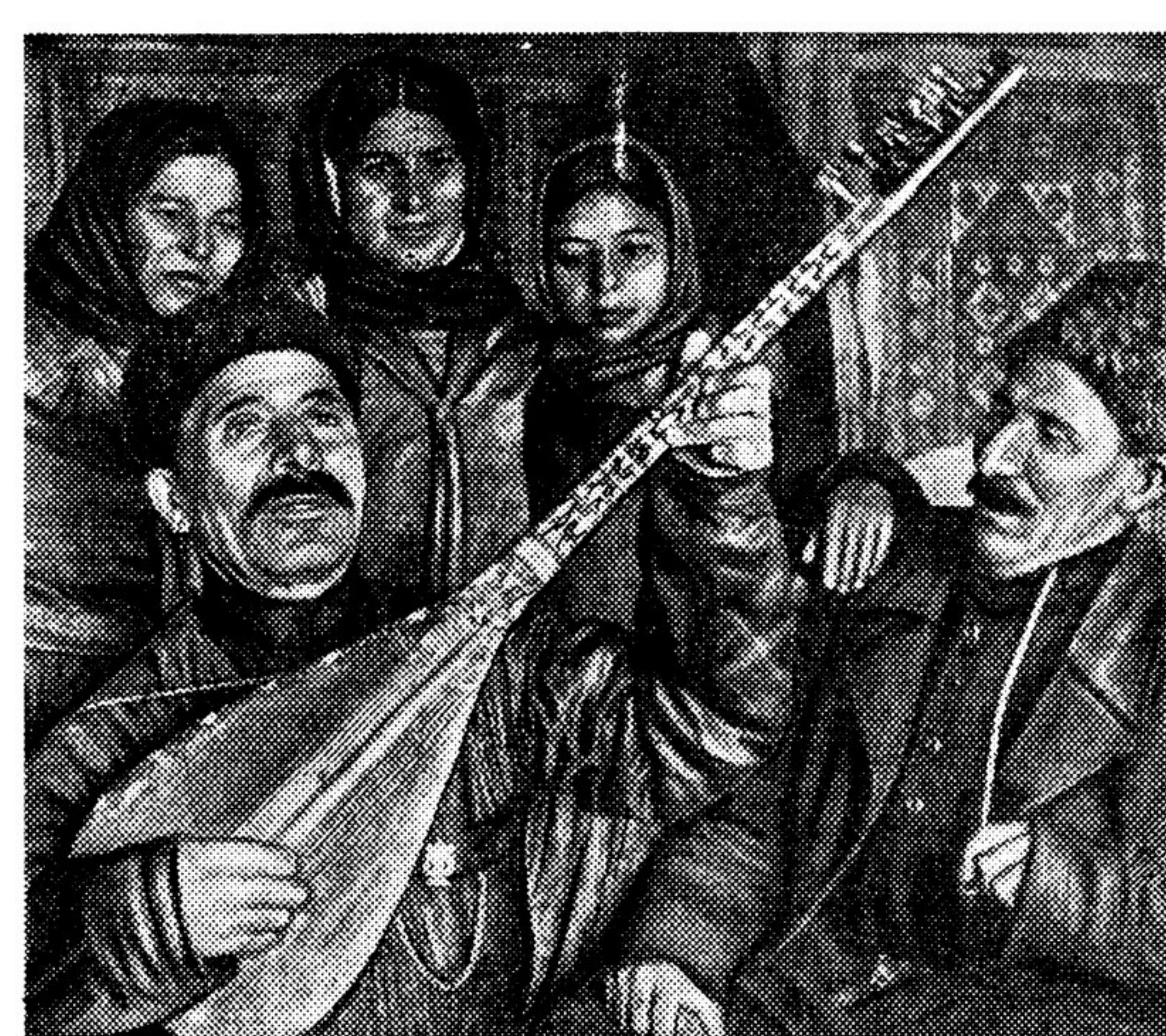
«Высокая романтическая тематика его
поэм и его лирики использует для своих
целей все это культурное наследие прошло-
го с тем, чтобы, полная их максимального,
затем их отбросить и перейти к поэзии народ-
ной и к поэзии быта (дворянского и
крестьянского)».

От Рыбниковой достается не только Пуш-
кину, но и Гоголю:

«В «Мертвых душах», — толкует она, —
мы найдем многочисленные сатирические
выпады против богов и богинь, против
нимф, а к юности и против рыцарей...» В за-
ключении делается ликующий вывод: «Итак,
античная метафора была Гоголем высмеяна
и уничтожена».

Тут же, впрочем, выясняется, что лгко-
вание было преждевременным: появляется
Майковский, который «не избегает ни би-
блейских, ни античных метафор». Сначала
«Майковский еще провозит», но потом «про-
пеле дискредитацию священного писания
через сопоставление темы сравнения и ме-
тафоры продолжаться». Происходит это, по
любимому размышлению автора, «всегда в
порядке выпадает».

Ну, как, читатель, «языковые факты» у-
своены? Тогда «подведем итог пройденному
нами разведку:

Асад Рзаев — популярный азербайджанский шуг, член союза советских писа-
телей, поет свои песни среди колхозников селения Тауз (Азербайджан).

С'езд ашугов Азербайджана

12 марта в Баку, в зале Дворца культуры
открылся республиканский с'езд народных
певцов-ашугов. Задача с'езда — способство-
вать критическому освоению дореволюцион-
ного наследия народных певцов Азербайд-
жана, подвести итог бурного расцвета на-
родного творчества и народной поэзии за
советский период.

С'езд ашугов является полным пред-
ником культуры для всего Закавказья.
Благодаря своей исключительной музыкаль-
ной одаренности, народные певцы Азербай-
джана пользуются любовью и известнос-
тью среди всех закавказских народов.

Сейчас в Азербайджане насчитывается
около 500 ашугов. Лучшие из них предст-
авлены на с'езде. Среди делегатов — нескль-
ко поколений ашугов, начиная от убеж-
ных сединами старцев и кончая молодыми
талантливыми ашугами-комсомолами.

Открытие с'езда было встречено делега-
тами с исключительным энтузиазмом.
Ашуги провозглашают из зала стихотвор-
ные приветствия в честь великого вождя
народов СССР — товарища Сталина.

В повестке с'езда — доклады об изуче-
нии литературного творчества ашугов, о
перспективах развития ашугской поэзии и
ашугской музыки. С докладами выступают
писатели Мирза Ибрагимов и Сарыев, компо-
зитор Гаджибеков и заслуженный артист
ААССР Бюль-Бюль.

Наряду с ашугами Азербайджана на с'е-
де присутствуют литераторы, композиторы
и научные работники, а также прибывшие
в качестве гостей ашуги Армении, Грузии,
Узбекистана и других братских республик.

БАКУ. (По телеграфу от нашего спец.
корреспондента).

Украина готовится к юбилею Т. Г. Шевченко

КИЕВ (наш корр.). В рукописных фон-
дах отдела рукописей библиотеки Акаде-
мии наук УССР хранятся ценные историко-
библиографические материалы о жизни и
творчестве великого украинского поэта
Т. Г. Шевченко.

Большой интерес представляют два авто-
графа поэта. Первый из них — известное
стихотворение «Породила мене мати у
у блих палатах» с рисунками, сделанными
рукой поэта.

Другой автограф — письмо Шевченко из
Орской крепости (датировано 16 июля
1847 г.). В письме поэт обращается к киев-
скому губернатору Фундуклею с просьбой
прислать вещи, среди которых есть ценные
оригинальные рисунки известного фран-
цузского художника Ватто и зарисовки
Киева, сделанные поэтом и оставленные
у себя губернатором.

Издательство детской литературы ЦК
ЛКСМУ готовит для детей старшего и сред-
него возраста большой иллюстрированный
однотомник избранных произведений по-
эта под редакцией проф. А. И. Беленко.
В однотомнике будет помещен биографи-
ческий очерк о Шевченко. То же издательство
выпускает отдельные произведения Шев-
ченко: «Катерина», «Сон», «Кавказ», «На-
ймички» и другие, тиражом в 25 тысяч эк-
земпляров. Будут изданы отдельные ма-
ленькие сборники произведений поэта для
детей младшего и дошкольного возраста.

В Киевском доме-музее Шевченко, где
жил поэт в 1846 году, организуется боль-
шая выставка картин и иллюстраций со-
ветских художников, посвященная жизни
и творчеству поэта. Работники музея под-
готовили фотоальбом, куда вошли фото-
снимки с лучших картин, автографов поэта,
а также малоизвестный портрет Н. В. Гоголя
работы Шевченко.

В издательстве «Мастецтво» вышел сбор-
ник «Народні переказки про Пушкина,
Шевченка та Горького» (сказания записал
Дм. Косарь). В издательстве выходит сбор-
ник песен на тексты Т. Шевченко, поэ-
та В. Суходольского «Юність Шевченка», м-
ста С. Раевского, книга «Заповідник
Т. Г. Шевченка» и другие.

60-летие со дня смерти М. Ф. Ахундова

В марте исполняется 60-летие со дня
смерти и 125-летие со дня рождения зна-
менитого азербайджанского писателя и фи-
лософа Мирзы Фаталы Ахундова.

Азербайджанский филиал Академии наук
совместно с союзом советских писате-
лей Азербайджана намерены провести спе-
циальную сессию, посвященную жизни и
творчеству М. Ф. Ахундова.

Академия наук выпускает в этом году
два первых тома полного собрания сочи-
нений писателя.

Азербайджанский театральный музей го-
товит выставку «М. Ф. Ахундов и азербай-
джанский театр». На выставке будут
представлены постановка первой пьесы
Ахундова (1878 г.) «Везир-хан Сару», экс-
понаты его все советскими театрами, экс-
понаты, рисующие жизнь и творчество пи-
сателя.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А. С. ПУШКИНА

Созданная в прошлом году в связи с
100-летием со дня смерти великого русско-
го поэта А. С. Пушкина Всесоюзная
пушкинская выставка сыграла огромную
культурно-воспитательную роль. За год вы-
ставку посетили около 700 тысяч человек.

Привлекая особое внимание к делу
популяризации пушкинских произведений,
Совет народных комиссаров СССР поста-
новил реорганизовать существующую в Го-
сударственный музей А. С. Пушкина. В му-
зее будут сосредоточены все материалы,
связанные с жизнью и творчеством поэта;

подлинные рукописи, архивные дела и до-
кументы, живопись, графика, скульптура,
предметы быта, редкие книги и другие
материалы.

По решению Совнаркома Академии наук
СССР, Всесоюзный комитет по делам
искусства, Центральное архивное управле-
ние, государственные музеи и другие учре-
ждения обязаны передать Музею А. С.
Пушкина все имеющиеся у них матери-
алы, связанные с жизнью и творчеством
поэта.

Институт мировой литературы им. А. М.
Горького, в ведение которого передан Го-
сударственный музей А. С. Пушкина, под-
готавливает сейчас специальные хранили-
ща к приему рукописного и книжного на-
следия великого русского поэта. Предстоит
получить огромное по своему богатству
собрание рукописей, хранящихся сейчас
в большей своей части в Государственной
библиотеке В. И. Ленина, в Институте
русской литературы Академии наук, в Го-
сударственной библиотеке им. М. В. Сал-
тыкова-Щедрина, в Государственном ли-
тературном музее и других.

Художественно-изобразительный мате-
риал, связанный с творчеством А. С. Пуш-
кина, в виде богатых коллекций и отдель-
ных произведений, в основном широко
представлен в 18 залах выставки. Но много
картин, гравюр, скульптур, связанных с
творчеством великого поэта, есть в
Третьяковской галлерее, Музее изобре-
тительных искусств им. А. С. Пушкина,
Русском музее в Ленинграде, Театральном
музее и в ряде музеев союзных респуб-
лик.

Музей А. С. Пушкина будет размещен
в старом здании Государственной библио-
теки им. В. И. Ленина.

Сейчас Институт мировой литературы
орчно развертывает работу исследователь-
ского сектора при музее и организует ка-
бинет творчества А. С. Пушкина, где бу-
дут сосредоточены все издания произведе-
ний поэта и труды, посвященные его
творчеству.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-
КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКИЙ.

«Козьма Минин» драматургу

Еще недавно вся работа о молодых
авторах в секции драматургов союза со-
ветских писателей фактически была от-
дана на откуп малограмотным консультан-
там. Они механически просматривали пьесы
и давали невежественные рецензии.
Молодой драматург был чужим человеком
в секции.

Сейчас новое руководство секции дра-
матургов создало специальную комиссию
по работе с молодыми драматургами (не
состоящими членами союза писателей).
Квалифицированные драматурги и крити-
ки в порядке общественной работы при-
влекаются в качестве консультантов. Они
будут изучать творчество каждого из мо-
лодых авторов, следить за их ростом.

Организовать серии вечеров молодых
драматургов «Литературные декадалии»
секция драматургов начала реализовывать
своей план. Авторы прослушивают цикл
докладов режиссеров, критиков по вопросам
теории и техники драмы, освещая как
искусствоведческие, так и литературные
вопросы работы над «Ревизором». «Язык
классиков драматургии (Шекспир, Грибое-
дов, Островский, Гоголь, Горький)».
Квалифицированные драматурги рассказывают
каждому автору над пьесами. Состоится
чтения и обсуждение лучших пьес мо-
лодых авторов. Уже проведена первая бесе-
да «Особенности драматического жанра».

Необходимо, чтобы драматическая явни-
тельность также судила многих пьес со-
ветских драматургов, лежащих без дви-
жения в театрах.

«Литературное обозрение»

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
открыл своей задачей освещать
литературные и искусствоведческие
вопросы, выходящие из сферы интересов
читателей со всеми выходящими
из нее новизнами советской и за-
рубежной литературы, а также
русских и иностранных класси-
ков, книгачи по истории и те-
ории литературы и критическим
работам в области литературы.

«ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»
рассчитано на самую широкую
аудиторию читателей.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1938 ГОД на краткое-библио-
графический двухязычный при-
журнал «Литературное обозрение».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1938 ГОД на краткое-библио-
графический двухязычный при-
журнал «Литературное обозрение».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1938 ГОД на краткое-библио-
графический двухязычный при-
журнал «Литературное обозрение».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1938 ГОД на краткое-библио-
графический двухязычный при-
журнал «Литературное обозрение».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: по по-
сечности «Особнячком», почтой, почтальо-
нами и организаторами подписки на
фабриках, заводах, в учреждениях и ор-
ганизациях. Розничная продажа во всех киосках
«Особнячком» и магазинах КОПИЭ».